

МАЛИК ДУРСУНОВ

Украина

ГРУША ИСФАНДИЯР

Рассказ

Год потери зогаллинцами большого казана ознаменовался еще одним событием, о значении которого сегодня старожилы рассказывают как о важнейшей части истории деревни. В тот год ни одно мероприятие, ни одно застолье не обходилось без горестного упоминания потери зогаллинцами части кухонной утвари, в особенности большого казана. Живительной мазью на кровоточащую рану зогаллинцев, хоть как-то отвлекающей их от ежедневных раздумий, тогда стало присвоение зогаллинцу Исфандияру самого длинного прозвища за всю историю Зогаллы.

В том году, в самом конце августа месяца, местная молодежь по традиции организовала небольшое застолье для проводов на учебу в Тбилиси будущего учителя истории Байрам-муаллима. Байрам-муаллим тогда учился на последнем курсе исторического факультета Тбилисского университета. За столом, кроме нескольких сверстников Байрам-муаллима, присутствовала и его родня, в том числе его двоюродный дядя Исфандияр, начинающий привыкать к своему прозвищу. Компания пила прохладное вино: поначалу, как всегда, обсуждался бесчеловечный и коварный поступок лудильщика Гриши, опустошивший зогаллинское кухонное хозяйство. Когда тема была прожевана участниками застолья окончательно, неожиданно речь зашла о прозвищах, которые в то время в Зогаллы носили мужчины. В частности, стали обсуждать длинное прозвище, недавно присвоенное Исфандияру. Тот сидел в углу и виновато улыбался.

Всё бы ничего, закончилось бы застолье, как всегда, шутками и смехом, но неожиданно для участников подвыпивший Байрам-муаллим начал сравнивать зогаллинские мужские прозвища с прозвищами американских индейцев.

Что толкнуло Байрам-муаллима на такой опрометчивый шаг, одному Аллаху известно. То ли Байрам-муаллим хотел продемонстрировать в основном безграмотным в то время участникам застолья свои знания, полученные в университете, то ли у него это вырвалось машинально – сегодня никто не скажет. А тогда Байрам-муаллим взял и твердо выпалил:

– По части прозвищ мы чем-то похожи на индейцев Америки.

И всё. Был самый пик застолья, и вот такое неожиданное сравнение земляков с далекими американскими индейцами моментально было отвергнуто всеми его участниками. Зогаллинцы почему-то сочли подобное сравнение оскорбительным для себя. Сам Исфандияр, только-только получивший самое длинное прозвище за всю историю Зогаллы, грозно заявил своему племяннику:

– Дорогой Байрам! Не для того мы тебя отправили учиться в Тбилиси, чтобы по возвращении рассказывал нам всякие сказки и сравнивал нас неизвестно с кем. Достаточно того, что нас сравнивают с мугалами. Не для этого мы тебе всей деревней помогаем.

Многие присутствующие поддержали Исфандияра – определенная доля правды в его словах была. Земляки на самом деле, кто как и чем мог, помогали во время учебы Байраму. Но учиться в Тбилиси его никто не отправлял, это было собственным решением Байрама. Тут, конечно, дядя Исфандияр преувеличивал участие зогал-

линцев в деле выбора и места обучения Байрам-муаллима. Как бы там ни было, почти все участники того застолья остались недовольны Байрамом и сочли неуместным подобное сравнение. А один из участников, оказывается, настолько сильно обиделся на слова будущего учителя истории, что под воздействием выпитого даже заплакал, будто находился на похоронах родного дедушки. Его успокоили, как могли, но дали высказаться.

– Да, мы люди необразованные, – сказал он, придя в себя, вытирая слезы, – но не такие, чтобы совсем из дремучего леса. Байрам, ну, подумай сам, где Зогаллы, где Америка? Какие могут быть сходства между нами и индейцами?

Ошарашенный Байрам-муаллим стал оправдываться:

– Между прочим, индейцы Америки – такие же люди, как мы с вами! Не хуже тех же мугалов и соседних грузин! Не знаю, что тут оскорбительного?

Убедить зогаллинцев в своей правоте в тот вечер Байрам-муаллиму не удалось, а сама история потом долго муссировалась в деревне. Большинство зогаллинцев к подобному сравнению отнеслись неодобрительно, хотя, справедливости ради, открыто враждебно в адрес индейцев Америки никто не высказался.

Только Кара-дайы не вмешался в эту дискуссию, он честно признался, что ничего не знает об американских индейцах. Откуда и что он мог знать об индейцах, если те, будучи индейцами Америки, всегда проживали за океаном. Никто и никогда их не встречал ни в соседних мугальских деревнях, ни в грузинских деревнях, а в Зогаллы тем более.

Правда, в годы войны, признался Кара-дайы, ему пришлось встречаться с солдатами из Америки, но он не уверен, что среди них были и индейцы.

– Румын видел, венгров видел, поляков видел, тех же американцев видел, а индейцев не видел. Год работал после войны в дрезденской комендатуре, там тоже не было их, – ответил тогда Кара-дайы.

А когда стали у него спрашивать о зогаллинских прозвищах, он коротко ответил:

– Откуда берутся наши прозвища, я не знаю!

Кара-дайы был прав, никто и тогда не знал, и сегодня не знает историю зогаллинских прозвищ. Каждый второй мужчина в Зогаллы живет с чудным прозвищем, прикрепленным к его имени, данному ему при рождении. Споры о происхождении прозвищ очень часты в деревне, некоторые зогаллинцы при надобности рьяно защищают свои родовые прозвища, которые носят не одно поколение. Если у незнакомых и приезжих зогаллинские мужские прозвища вызывают временами недоумение, ухмылку, а зачастую и истерический смех, то тот же учитель истории зогаллинской школы Байрам-муаллим продолжает свои исследования в этой области и в присвоении прозвищ умудряется находить много положительного. Что самое интересное, намного позже того вечера, когда он сравнил зогаллинцев с индейцами Америки, уже работая учителем, Байрам-муаллиму удалось-таки доказать землякам правдивость своих предположений. И что еще интересно, сравнение оказалось не в пользу зогаллинцев, индейские прозвища на практике выявились гуманными и более достойными по отношению к их носителям.

Байрам-муаллим доказал землякам, что обряд присвоения прозвищ исторически был и ныне остается присущим только свободным, вольным народам и поселениям.

– Возьмем тех же индейцев Америки, которых вы так возненавидели поначалу, – сказал он своим землякам, многим из которых позже на самом деле стало стыдно за необоснованно высокомерное отношение к индейцам. – Да, я согласен, при беглом сравнительном анализе наших и индейских прозвищ тяжело найти какие-то сходства. В отличие от нас, индейцы в своих прозвищах пользуются названиями окружающей природы, природных явлений. И что тут плохого? Индейские прозвища

указывают их зависимость от земли и уважение к ней, учитывают боевые и охотничьи подвиги, подчеркивают достоинства их носителей. А какими красивыми сравнениями они пользуются при присвоении прозвищ! Упорный, гордый, храбрый, упрямый, безрассудный... Разве все перечислишь? В отличие от индейцев, наши прозвища указывают не на достоинства носителя, а в большинстве случаев на его внешние или психологические недостатки. Поэтому не найдете вы в Зогаллы ни Зоркого сокола, ни Бешеного коня, ни даже Упрямого быка, часто встречаемых в среде индейских прозвищ, – твердил Байрам-муаллим, а слушатели молча согласились с ним.

– Вот, например, если наш Мамед был с рождения слеп, неужели так обязательно было прозвать его Слепым Мамедом? Я молчу про Хромого Идриса, про Заику Исмаила. Полбеда, когда некоторые наши прозвища указывают на профессию хозяина, будь это Копач Гусейн (копающий могилы), Гассаб Алескер (забойщик животных) и т. д. Тут не так больно. Наши прозвища различительные, тут я не спорю, но ведь порой они унизительны для носителя.

Зогаллинцы соглашались с Байрам-муаллимом, некоторые даже признавались, что индейцы Америки на самом деле, оказывается, умнее их будут.

– Живем и не знаем, что мы самые отсталые в мире, а готовы смеяться над всеми остальными. Нас не переделаешь, вот потому и смеются над нами мугалы, – говорили они.

На этом месте Байрам-муаллим успокаивал своих земляков, говорил им, что они не одни такие, что по характеру присвоения прозвищ зогаллинцы похожи на украинских казаков.

– В каком-то смысле зогаллинские прозвища согласуются с прозвищами украинских казаков, – говорил он. – Казаки тоже, как индейцы Америки, отличались свободолюбием и вольной жизнью. Но индейцам Америки мы однозначно уступаем.

– Опять эти индейцы, – кричал кто-то с места. – С индейцами мы и так опозорились, давай без них! Давай лучше про казаков, Байрам-муаллим, давай про них. Казакам хоть мы ни в чем не уступаем?

– А что казаки, они тоже, как зогаллинцы, давали друг другу прозвища, которые, как правило, коротко и ёмко указывали на особый признак казака, на его внешность и род деятельности.

– Ну и слава Аллаху, это уже по-нашему. А то с индейцами в этой части нам не тягаться, они более красноречивы в присвоении прозвищ.

Молчать бы тут зогаллинцам! Да разве закроешь им рот? Тот же Исфандияр, который в тот вечер упрекнул Байрам-муаллима за сравнение зогаллинцев с индейцами, на самом деле тогда уже был не Исфандияром! Ему дали прозвище такое длинное, что красноречивости зогаллинцев завидовали бы все вожди индейских племен, вместе взятые, которые и давали прозвища своим соплеменникам. Полное прозвище Исфандияра на сегодня считается самым длинным за всю историю зогаллинских прозвищ.

Говорят, что носил он его с большим удовольствием и с пониманием своей исключительности. Якобы он даже гордился своим длинным прозвищем, когда к нему обращались с полным его произношением. В первое время после приобретения прозвища, когда односельчане обращались к нему по-старому, он моментально оставливал их и подправлял:

– Назовите уж по-полному, чего стесняться-то.

Носил он его около тридцати лет, а после его смерти прозвище в укороченном виде по принятой в Зогаллы традиции автоматически перешло к его прямому и единственному наследнику, несовершеннолетнему внуку, носящему тоже имя Исфандияр, который тогда учился в третьем классе зогаллинской школы. Процесс перехода про-

звища после смерти его первого носителя к наследнику – в Зогаллы само собой разумеющийся обряд, ничего удивительного в этом нет. Удивительным являлся возраст наследника, так как школьников в Зогаллы по прозвищу никто до этого не называл. Случай был особенным. Внук Исфандияра рос мальчиком толстым и упитанным, с красными щеками и с вытянутой шеей: со стороны где-то напоминая спелую грушу. Без особого сопротивления он принял эстафету от бабушки и по сей день гордо носит это прозвище.

Старший Исфандияр до приобретения им прозвища был жизнерадостным, но глубоко несчастным человеком. Сказать, что после приобретения прозвища он стал счастливым, было бы тоже неправдой. С другой стороны, с приобретением прозвища он наконец-то вошел в привычное мужское зогаллинское сообщество, где редко можно было найти мужчину без него. Зогаллинцы почему-то его жизненное несчастье называли невезением, и сегодня, когда речь заходит о нем, старожилы так и говорят:

– Ох, и невезучий был человек. Жил себе спокойно, никого не трогал. А ему не везло, хоть тресни! Будто был заговоренным.

Первый раз несчастье постигло Исфандияра через месяц после свадьбы, за три года до войны. На глазах у соседей и самого Исфандияра соседская лошадь, пасшаяся на поляне, неожиданно копытом ударила по голове мимо проходящую его молодую жену. Удар получился настолько сильным, что ножки подковы, как острые спицы, вонзились в голову жены Исфандияра, оставив у нее на лбу две кровавые точки. Смерть получилась мгновенной.

Исфандияр, до этого отличавшийся особой словоохотливостью, вдруг замолчал. С того дня он возненавидел лошадей, посчитав весь их род виновным в гибели любимой жены. Через неделю после похорон жены Исфандияр свою, ни в чем не повинную лошадь, повел в лес. В самой глубине леса он коротко привязал лошадь к дубовому дереву и оставил там ее одну, таким образом приговорив ее в лучшем случае на голодную смерть, а в худшем – на корм хищным зверям. Соседу, хозяину виноватой лошади, ничего не оставалось, как последовать его примеру. Через день и тот отвел свою лошадь туда же в лес, привязал рядом с лошадью Исфандияра. Шокированные аксакалы тогда решили не вмешиваться, посчитав потерю двух лошадей таким бесчеловечным способом не слишком большой расплатой за гибель жены Исфандияра. Хотя способ мщения, выбранный Исфандияром, а потом еще и его соседом, выглядел слишком жестоким и кощунственным. Заморенные голодом лошади орали четыре дня и три ночи, пока в четвертую ночь их обоих не задрала стая волков, тем самым освободив бедных животных от голодной мучительной смерти. С тех пор, до самой своей кончины, Исфандияр не держал в хозяйстве лошадей.

После смерти жены Исфандияр днями ни с кем не разговаривал, ходил на колхозные работы и работал дома. О том, чтобы жениться еще раз, речи не могло быть. Никто в деревне не решался предложить ему жениться второй раз, боясь его реакции. Все в Зогаллы сочувствовали ему, хозяин лошади горевал не меньше Исфандияра, считая себя виноватым в гибели молодой женщины.

А потом началась война, и вовсе стало не до женитьбы Исфандияра. По никому не известной причине Исфандияра не призвали на войну, каким чудом он избежал тогда ее, никто в Зогаллы не знает. Скорее, решили, что в тылу от трудолюбивого Исфандияра будет пользы больше, чем на передовой. Всю войну он работал в колхозе на всевозможных работах, помогал одиноким, оставшимся без мужей, женщинам, чуть ли не в одиночку хоронил умерших в те годы земляков.

После войны старожилы посоветовали Исфандияру жениться на молодой вдове, муж которой не вернулся с войны. Благо, и вдова оказалась не против. Через год у них родился ребенок, девочка, которой они дали красивое имя Санам. Жизнь постепенно налаживалась, и Исфандияр заговорил. Но когда ребенку было всего год, погибла и вторая жена. Смерть ее оказалась не менее нелепой, чем смерть первой

жены Исфандияра: зогаллинцы долгое время не могли прийти в себя. Во время утренней дойки чем-то недовольная буйволица растоптала хозяйку насмерть. Эту самую буйволицу Исфандияр зарезал на похоронах жены, навсегда избавив двор еще и от присутствия буйволов. После похорон второй жены Исфандияр дал себе слово, что жениться он больше не будет, растить ребенка будет сам, никому не отдаст.

Злые языки утверждают, что через два или три года Исфандияр якобы был не прочь жениться и в третий раз, будто он даже получил согласие от очередной зогаллинской вдовы. Но тут ему помешала солидарная женская среда, сложившаяся в Зогаллы в послевоенные годы.

Противнее женской солидарной среды, по утверждению Кара-дайы, в этом мире ничего не найти. Вдвойне она противна, если эта среда состоит из одних вдов.

Давшая Исфандияру согласие выйти за него замуж вдова оказалась болтливой. Болтливость женщины – факт неопровержимый, ничего удивительного в этом нет. О своем намерении дать согласие на замужество под большим секретом она рассказала своей ближайшей подруге, другой вдове.

– Может, третий раз ему повезет, – поделилась она с ней. – А мне что, я бы сто лет подождала своего с войны, если бы знала, что он вернется. Пять лет прошло, все живые вернулись. А моего нет. Мужика хочется мне, и всё! Хочу мужика, хоть калеку, хоть без ног и хоть без рук, лишь бы с мужским достоинством у него всё было в порядке! Хочу и все! И детей хочу! – вот так она всё рассказала своей подруге.

Болтливостью женщин никого не удивишь, неудивительна также женская зависть, которая основывается на непримиримости к успехам других женщин. Разве существовал другой успех среди послевоенных зогаллинских вдов, чем замужество? Через день о намерении своей подруги та вдова еще по большему секрету рассказала другой вдове, а через неделю вся деревня только об этом и говорила. Завистливая женская среда еще и изобретательна. Она пустила слух, что двор Исфандияра заговоренный вместе с его хозяином. Якобы во дворе Исфандияра поселился шайтан, и якобы этот шайтан через домашних животных убивает его жен и будет дальше убивать. Собирающаяся замуж за Исфандияра вдова стала сомневаться, тут же ближайшая ее подруга посоветовала обратиться к деревенскому мулле, чтобы тот загадал и посмотрел по своей молитвенной книжке, насколько на самом деле опасно выйти за него замуж? Старый мulla, оказывается, сам имел виды на эту пышную вдову, и загадал такое, что та передумала выйти за Исфандияра замуж. А загадал он вот что: третья жена Исфандияра, загадал мulla, погибнет мучительной смертью от укуса бешеной собаки, что даже на деревенском кладбище ее хоронить не позволят. Закопают где-нибудь вдали от деревни вместе с укусившей ее собакой. А четвертую жену Исфандияра, загадал мulla, ужалит ядовитая змея, а пятую заклюют голодные куры.

Какими бы неправдоподобными ни выглядели версии, мulla своего добился: женщина не решилась рисковать своей жизнью, передумала создавать семью с Исфандияром. Еще через полгода сам мulla стал сожительствовать с этой вдовой аж до самой своей смерти, и она родила от него двух мальчиков.

К слову, Исфандияр позже догадался, что именно мulla не позволил ему жениться на той вдове. С того дня в ряд его врагов вместе с лошадьми и буйволами добавились и мульты.

Как бы там ни было, Исфандияр больше не женился и всю оставшуюся жизнь посвятил своей дочери. С годами к нему вернулась и жизнерадостность.

Впрочем, большинство зогаллинских женщин-вдов на радость своим подругам тоже не вышли замуж.

По соседству с Исфандияром жила родная его сестра, поэтому дочь Исфандияра целыми днями находилась там вместе с ее детьми, она и занималась воспитанием. Хотя в Зогаллы считали, что воспитанием ребенка занимается сам Исфандияр, раз он не привел домой другую женщину. Не только сестра, вся родня и соседи во

всем помогали Исфандияру. В патриархальной зогаллинской среде это был второй случай, когда одинокий отец с самого детства ухаживал за ребенком сам. Зогаллинцы тут же вспомнили детство Кара-дайы, который тоже вырос без матери.

Санам часто болела, у нее были проблемы со зрением, и со школьного возраста она начала носить очки, что тоже было редкостью в те годы в Зогаллы. В силу всех этих обстоятельств Исфандияр редко участвовал во всевозможных зогаллинских застольях, всё свободное время посвящал домашнему хозяйству и дочери.

Когда Санам было пять лет, Исфандияр еще ходил без прозвища, и жить бы ему до конца своих дней без него, если бы не случилось очередное несчастье с ним, в результате чего ему было присвоено это самое прозвище.

А дело было так. Шел шестой послевоенный год, времена еще были голодные, зогаллинцы после каждой зимовки выходили истощенными, полностью израсходовав запасы продуктов на зиму, с надеждой на наступающую весну, которая обещала им новую, лучшую жизнь.

В самом конце мая, когда уже весна была в разгаре, вдруг взял и заболел Исфандияр. Ему тогда было всего сорок лет, но он почему-то считался в Зогаллы мужчиной почтенного возраста. До своих лет, как мы уже говорили, Исфандияр особо ничем не выделялся, если не считать нелепых смертей двух жен и ненависти к лошадям, буйволам и муллам. История зогаллинских прозвищ не знает примера, когда оно происходило бы от ненависти его хозяина к определенной части окружающей его действительности. Зогаллинские прозвища, как правило указывали на увлеченность, привязанность или любовь его носителя к чему-то или к кому-то. Кроме того, физических и психических изъянов Исфандияр тоже не имел, возможно, и по этой причине к сорока годам избежал присвоения прозвища. Жил себе Исфандияр и один растил свою дочь, и не догадывался, что и в сорок лет можно схлопотать себе плохое прозвище.

Так вот, заболел Исфандияр, с первого дня температурил и ничего не ел. Дочку, естественно, в первый же день болезни отца забрала к себе сестра Исфандияра. Тут же по деревне поползли слухи, что Исфандияр, видимо, отправится к своим покойным женам. И как положено в таких случаях, в ожидании близкой смерти родня организовала дежурство у постели больного. Мужчин в деревне было мало, поэтому дежурила не только родня. Тот же Кара-дайы, например, рассказывает в наши дни, что он дежурил у Исфандияра на третью ночь со дня его болезни. Говорят, именно он, утром уходя после дежурства, дал знать родным, что надо готовиться к худшему. И с четвертого дня болезни Исфандияра родные перестали пускать его единственного теленка на общий выпас, стали держать теленка во дворе на привязи на случай наступления непредвиденных обстоятельств. На зогаллинском кладбище предусмотрели место для захоронения, если Исфандияр решится порвать с этим миром.

Одним словом, ничего не предвещало хорошего конца, Исфандияр продолжал температурить, с ложки глотками пил кипяченую воду и ничего не ел, целыми днями лежал с закрытыми глазами. А когда открывал их, первым делом тихим голосом звал дочку и проговаривал:

– Нет, мне нельзя умирать, я должен дочку поставить на ноги.

В течение дня и ночи, по рассказам дежурных, он несколько десятков раз повторял эти самые слова. В первые дни, когда он произносил их, дежурные и проводящие земляки жалели его, как могли, успокаивали. Дежурившие возле постели соглашались с ним, что ему на самом деле рано умирать, обнадеживали его, что всё обойдется, он выздоровеет, хотя общий негласный вердикт был неутешительным. После предупреждения Кара-дайы о возможной скорой кончине больного, привыкшим к всяким жизненным жестокостям зогаллинцам надоели слова Исфандияра, и они перестали обращать на них внимания, ожидая скорого его конца. Исфандияр

продолжал температурить, продолжал с ложки глотками пить кипяченую воду, ничего не есть и продолжал лежать с закрытыми глазами. А когда открывал их, первым делом тихим голосом звал дочку и привычно проговаривал:

– Нет, мне нельзя умирать, я должен дочку поставить на ноги.

Местный мулла появился у Исфандияра на пятый день его болезни, присущим только представителям духовенства чутьем полагая, что потом может быть и поздно. Но чутье подвело его, к тому же, как только мулла зашел в комнату, Исфандияр тут же открыл глаза, презрительно посмотрел на него и заявил ему, что зря тот пришел и зря радуется, он обязательно выздоровеет.

– С чего ты взял, что я радуюсь? – оправдывался мулла. – Я пришел навестить тебя, как земляк больного земляка.

– Ага, – ответил ему тогда больной Исфандияр, – а книжку с собой прихватил на всякий случай, да? – указав на маленькую молитвенную книжку, которую мулла держал под мышкой.

Открытое ношение молитвенной книжки муллой в зогаллинской среде всегда считалось плохой приметой. К тому же Исфандияр ненавидел его, поэтому опрометчивость муллы вышла ему боком. Он тут же припрятал молитвенную книжку во внутренний карман, посидел молча еще полчаса и ушел.

– Да будет Аллах тебе помощником в твоём исцелении, – сказал он на прощание.

– Иди, иди! – вслед произнес Исфандияр. – Чтобы ты никогда больше не мог достать свою книгу из кармана!

Грубить мулле в Зогаллы в те годы не было принято, но случай был особенный.

– Чтоб я его тут больше не видел и не слышал! – предупредил родню Исфандияр и тихо добавил: – Если уж мне суждено умереть, этого шайтана не приводить ко мне во двор! Пригласите муллу из соседней деревни, а если никого не найдете, хороните без муллы!

Знавшие предысторию их отношений присутствующие промолчали, а Исфандияр чуть позже, опять-таки слабым голосом, добавил:

– Нет, мне нельзя умирать, я должен дочку поставить на ноги.

Восьмую ночь у больного Исфандияра на дежурство заступил Придурок Муса, потому как почти все мужчины деревни к этому дню уже дежурили. Тот сам изъявил желание дежурить у постели больного:

– Может, мое дежурство ему поможет, и он выздоровеет, – перед дежурством сказал Придурок Муса и будто в воду глядел.

Дать прозвище «Придурок» человеку, носящему имя одного из пророков, могли только зогаллинцы, хотя, честно говоря, на это они имели полное основание. Придурок Муса в принципе был мужчиной очень даже уравновешенным, но в часы замутнения рассудка он выходил к зогаллинскому источнику, который находился как раз напротив дома Исфандияра, и ругал всех подряд. В эти минуты он не щадил никого, мог самыми грязными словами выругать и женщин, и мужчин, и партийных, и беспартийных, и председателя колхоза, и главу сельсовета. Беда была тому, кто по осторожности призывал его к сдержанности. Тогда Придурок Муса заводился еще сильнее. Знающие его характер зогаллинцы, как правило, в такие минуты ему не отвечали, и через час-другой Придурок Муса сам удалялся домой. Когда он выходил к источнику, зогаллинцы старались не ходить к воде. Больше всех доставалось родному отцу Придурка Мусы – тот, бедный, старался затащить его домой, призывая сына иметь мужское достоинство, не сквернословить.

– Будь мужчиной, не ругайся! Дети, женщины – все на тебя смотрят!

А Муса только этого и ждал.

– Кто бы говорил о мужском достоинстве, – отвечал он родному отцу. – Наплодил Придурка и считаешь себя мужчиной? Прочь с моих глаз!

На следующий день, как ни в чем не бывало, Муса здоровался со всеми и вместе с отцом с утра уходил на колхозные работы.

Так вот, в этот майский теплый вечер, когда Придурок Муса заступал на дежурство, возле больного находились еще и проводывающие его. Оказывается, в момент, когда заходил Придурок Муса в комнату, больной в очередной раз повторял свое любимое выражение:

– Мне нельзя умирать, я должен дочку поставить на ноги.

Видимо, Придурок Муса знал о предсмертных причитаниях больного, но сам своими ушами хотел услышать их, поэтому тут же попросил Исфандияра повторить, что именно ему нельзя. Присутствующие все замолчали от неожиданного вопроса, а больной Исфандияр взял и повторил:

– Мне нельзя умирать, Муса, я должен дочку поставить на ноги.

Тут-то и заклинило Придурка Мусу: оказывается, для этого ему необязательно было выходить к источнику. Возможно, на Мусу подействовала близость источника к дому больного. Как бы там ни было, Придурок Муса отчитал больного с использованием всего арсенала нецензурных выражений, имеющихся в его лексиконе:

– Ну что ты заладил, Исфандияр? «Мне нельзя умирать, мне нельзя умирать». А кому можно? Мне можно, да? Или, если мне некого поставить на ноги, то я должен сейчас же протянуть свои ноги и умереть, да? Ты в своем уме, Исфандияр? Тебе, больному, нельзя умереть – мне, здоровому, можно, да? Анассыны твою!..

Рассказывают, что после этих слов Придурка Мусы проводывающие, забыв, где они находятся, начали громко смеяться. Воодушевленный Придурок Муса стал дальше отчитывать больного:

– Мы все под Аллахом, Исфандияр, опомнись! Когда тот сочтет нужным, тогда и заберет любого из нас. А то ты надоел уже всем своими «мне нельзя умирать»! Зачем ты муллу обидел? Говорят, что он ушел очень недовольный. Бойтся сейчас взять в руки молитвенную книжку! Если тебе на самом деле нельзя умирать, так хватит лежать, вставай и живи дальше!

Не ожидавший столь грубого к себе отношения со стороны Придурка Мусы, Исфандияр готов был ту ночь провести один, без дежурного. Но Придурок Муса не сообразился уходить.

– И знай, – предупредил он вдобавок ко всему сказанному, – не собираюсь я тебя всю ночь с чайной ложки по глотку поить! Сейчас выпьешь стакан горячего чая, я тебя накрою, и ложимся спать. Утром встанешь – хорошо, значит выжил! Помрешь – тоже не беда, похороним до обеда, как положено, и забудем тебя. И ребенка твоего поставим на ноги. Вот теленок во дворе, ждет твоей участи. Хоть его пожалей! А то, видите ли, ему нельзя умирать, а остальным можно.

Придурок Муса напоил Исфандияра горячим чаем с вареньем, накрыл его толстым шерстяным одеялом и сказал:

– А сейчас спать! И только попробуй умереть!

То ли от слов Придурка Мусы, то ли наверху на самом деле решили, что Исфандияру рано умирать, в ту ночь он потел несколько раз и несколько раз просил у Придурка Мусы горячего чая. Тот не отказывал Исфандияру, грел чайник на огне и поил его. При этом каждый раз отчитывал больного:

– Мне нельзя умирать, мне нельзя умирать! Раз нельзя, не умирай. Никто тебя не заставляет.

К утру температуру будто рукой сняли, как по команде, жар сошел, и пришедший в себя Исфандияр едва слышным голосом начал жаловаться на горло. Стало понятно, что болеет он тяжелой формой ангины. Обрадовалась родня, обрадовались соседи, в целом обрадовались все зогаллинцы, которые готовились к его похоронам.

Придурок Муса возомнил себя спасителем, он и на следующий день не отходил от Исфандияра. Всем проводывающим рассказывал, как он его вылечил.

– Напоил горячим чаем, накрыл теплым одеялом, и всё! Еще предупредил, что пусть сейчас только попробует умереть! А то, «мне нельзя умирать, мне нельзя умирать...»

У ничего не евшего восемь дней голодного Исфандияра стали спрашивать, как положено в таких случаях, что он хочет есть, что его душа желает? Народу, оказывается, в то утро собралось много, каждый хотел чем-то угодить ему. А Исфандияр, долго не думая, тихим голосом, но так, чтобы все услышали, взял и ляпнул:

– Есть я особо ничего не хочу, вот если бы была моченая в деревянной бочке груша, ее я бы съел. Точнее, даже не ел бы, – продолжил он, – а сперва выпил бы стопочку нашей водки, потом закусил бы такой моченой грушей.

И стал Исфандияр рассказывать, как он впился бы в нежную мякоть груши, и как его рот наполнился бы соком, вкус которого не передать словами.

– После этого и помирать можно, – заключил, оказывается, Исфандияр и закрыл глаза.

Присутствующие оглянулись, многие подумали, что, наверное, все-таки рано обрадовались, что Исфандияр пошел на поправку. Может, это предсмертное улучшение состояния больного, подумали зогаллинцы. Как бы там ни было, случилось непредвиденное, и самое главное, пожелание Исфандияра невозможно было исполнить. Где возьмешь в конце мая моченую в деревянной бочке грушу? Все зимние запасы давно были съедены. У присутствующих самих потекли слюнки при упоминании моченой груши.

Тут же не отходивший с утра от Исфандияра Придурок Муса ответил Исфандияру:

– Где же мы тебе сейчас, в конце мая, возьмем моченую грушу, Исфандияр? Ты в своем уме? Проси то, что можем найти. Вот огурцы соленые можем найти. Может, водку попробуешь с солеными хрустящими огурцами? Чем не закуска, а, Исфандияр? И я, если надо, выпью с тобой на пару.

Среди присутствующих нашлось много желающих составить компанию Исфандияру, если тот согласится выпить водку, закусывая солеными огурцами. Но не тут-то было. Исфандияр, открыв глаза, долго смотрел на Придурка Мусу, предложившего ему соленые огурцы вместо моченых груш, и произнес:

– Засунь себе в задницу свои хрустящие огурцы! Я грушу просил, – и опять закрыл глаза.

Ответ был насколько неожиданным, что присутствующие все замерли. Потом кто-то прыснул громко, и через секунду к нему присоединились остальные. Смех был настолько громким, что если бы в тот момент Исфандияр на самом деле был мертвым, его можно было этим смехом разбудить.

Как говорит Кара-дайы, еще никто в этом мире смехом не воскрешал мертвого, но степень нанесенного унижения под всеобщий смех намного больше переносится, нежели, если бы тебя опозорили без людского глаза. К тому же, по словам того же Кара-дайы, даже если ты находишься при смерти, ни в коем случае нельзя оскорблять проводящих и дежуривших у твоей постели. Потому как, возможно, ты сам не раз дежурил у постели больного или умирающего. По словам того же Кара-дайы, многие умирающие почему-то думают, что оставшиеся в живых кайфуют, именно из-за этого они перед самой смертью становятся злыми. Но предпочтительнее уходить добрым, считает Кара-дайы, чтобы потом тебя таким и запомнили.

На чей предсмертный опыт ссылался Кара-дайы при подобных нравоучениях, я у него не спрашивал, но оснований не верить ему у меня никогда не возникало.

А Придурок Муса, всю свою жизнь привыкший сам посылать и оскорблять односельчан, от подобной дерзости Исфандияра ошалел. Ответ Исфандияра ему в части применения соленых огурцов был настолько неожиданным, что он покраснел, молча надел кепку, покинул комнату.

И напрямиком направился к источнику. Деревня застыла. Узнавшие о нахождении Придурка Мусы возле источника зогаллинцы не стали ходить за водой, стали ждать, пока тот покинет свое любимое место. Но тех, кто не был наслышан о нахождении Придурка Мусы возле источника и по обыкновению ходил к воде, ждал приятный сюрприз. В тот день Придурок Муса никого не ругал и не сквернословил. Всем встречным он рассказывал о том, как помог Исфандияру выздороветь и каким неблагодарным тот потом оказался:

– Всю ночь поил горячим чаем, помогал ему менять белье. Накрывал теплым одеялом. А утром, придя в себя, знаете, что он просил?!

Удивленные мирным рассказом Придурка Мусы останавливались и спрашивали:

– И что же, интересно, он у тебя просил?

– А просил он моченую в деревянной бочке грушу. Вот что он просил. И это в конце мая. Совсем умом свихнулся Исфандияр, анассыны! – лишь в самом конце своего короткого повествования о ночном дежурстве он слегка выругивался в адрес Исфандияра, что слушателями воспринималось временами даже одобрительно.

Зогаллинцы смеялись рассказу Придурка Мусы, хвалили его, говорили ему, какой же он молодец, что вылечил Исфандияра.

– Вот сколько сейчас времени? – в ответ спрашивал у недогадливых земляков Придурок Муса.

– Около часа дня, скоро обед, – отвечали ему земляки, не зная, к чему он интересуется временем.

– Вот именно, около часа дня, – соглашался Придурок Муса, – если бы не я, сейчас возвращались бы с кладбища, похоронив Исфандияра. Чего тянуть, а погода-то какая жаркая.

– Если бы не ты, может, так и было бы, – поддерживали зогаллинцы Придурка Мусу, лишь бы тот не сквернословил.

– Так я об этом и говорю! А он живой, и подавайте ему моченую в деревянной бочке грушу! И это в конце мая! Анассыны!

К концу дня не только все зогаллинцы, но и окрестные мугальские деревни знали, что Исфандияр выздоровел и мечтает о моченой в деревянной бочке груше. И это в конце мая. И все, как правило, разводили руками:

– Где в конце мая возьмешь моченую грушу?

А Исфандияр тем временем с того дня пошел на поправку, избавил родню от траурных хлопот, продлил жизнь не только себе, но и, как просил его Придурок Муса, молодому теленку. Через десять дней он встал на ноги и вышел в народ, но к этому времени за ним уже было закреплено прозвище: «Мечтавший в конце мая о моченой груше».

Данное прозвище по сей день считается самым длинным прозвищем за всю историю Зогаллы. Автором прозвища считается Придурок Муса, который вместо моченой груши неудачно предложил больному тогда Исфандияру на закуску соленые огурцы. Придурок Муса до конца жизни упорно отрицал свое авторство, считая прозвище Исфандияра единым общезогаллинским мнением.

– Не я один в то утро был у Исфандияра, – отвечал он, скромно уходя от авторства.

Так и называли старика Исфандияра вплоть до его настоящей смерти. Позже почему-то считалось, что настоящая смерть Исфандияра определенно затянулась, хотя даже по зогаллинским меркам он прожил не столь длинную жизнь. Когда речь заходила о нем, зогаллинцы моментально уточняюще вставляли, несмотря на то, что

он был единственным Исфандияром в Зогаллы: «О каком Исфандияре идет речь? О том, который в конце мая мечтал о моченой груше? Тогда все понятно».

Исфандияр спокойно принял присвоение ему прозвища. В первое время, как сегодня рассказывают зогаллинские старожилы, он даже подправлял тех, кто по-старому обращался к нему как «дядя Исфандияр», моментально исправляя того с присущим ему юмором:

– А про грушу забыл?

Со временем произносить каждый раз такое длинное прозвище зогаллинцам поднадоело, и они постепенно стали его сокращать. Сначала они перестали указывать в прозвище период мая, когда Исфандияр мечтал о моченой груше, коротко между собой называя его «Исфандияр, мечтавший в мае о моченой груше». Через какое-то время и такое прозвище еще раз показалось им слишком длинным, и они вовсе перестали указывать месяц, в котором тот мечтал о моченой груше. К семидесятым годам трансформация прозвища привела к тому, что его стали называть просто «моченой грушей». А хоронили его с привычным для зогаллинцев однословным прозвищем – «Груша Исфандияр».

История с получением Исфандияром прозвища была бы наполовину занимательной, если не рассказывать о его второй жизни, о его жизни после получения прозвища и о его внуке, носящем имя дедушки. С получением прозвища преобразилась жизнь Груши Исфандияра, точнее, она стала более определенной для него. Исключив напрочь из домашнего хозяйства содержание лошадей и буйволов, перестав общаться с муллой до самой смерти последнего, Исфандияр после выхода на пенсию переключился на выращивание индюков, что в ту пору в Зогаллы было нетрадиционным направлением в содержании птиц в домашнем хозяйстве. Во дворах зогаллинцев в те годы предпочтение отдавалось курам, уткам и гусям. Индюки считались капризными и тяжело поддающимися разведению птицами. Азарт, с которым приступил к делу Груша Исфандияр, в первое время изумил односельчан, но его тяжелый труд дал такой положительный результат, что побочным эффектом явилось увлечение со временем всех зогаллинцев разведением индюков. Сегодня трудно представить зогаллинский двор без этих неординарно булькающих птиц.

А начинал Груша Исфандияр с двух пар индюшек, купленных им на алибадском базаре. В лучшие годы, по его собственному признанию, количество этих птиц у него доходило до трехсот, иногда даже переваливало эту цифру. За десять лет работы с индюками Грушей Исфандияром был разработан собственный метод ухода за ними, начиная с птенцов и до взрослых птиц, которыми он охотно делился с односельчанами. Он не только бесплатно отдавал десяток-другой яиц всем желающим своим землякам, которые тоже намеревались заниматься разведением индюков у себя и обращались за помощью к нему, но и инструктировал о способах ухода за ними. Однако какими бы старательными ни были земляки, достичь уровня Груши Исфандияра в разведении индюков по сей день никому не удалось. Всем тонкостям искусства ухода за индюками Груша Исфандияр научил сперва дочь, позже и зятя, а те, в свою очередь, передали эстафету его внуку, младшему Исфандияру.

– От своих индюков я каждый год получаю денег на новые «Жигули», – как-то похвастался он среди земляков, – и несую и кладу на сберкнижку, собираю внуку. Пусть вырастет и потратит, на что сам захочет.

Уже в наши дни, рассказывая о дедушкином богатстве, младший Исфандияр как-то признался мне, что он так и не смог сполна воспользоваться собранными ему деньгами. В момент развала Страны Советов, по его словам, на сберкнижке накопилось около шестидесяти тысяч рублей, и в течение года эти деньги обесценились и превратились в копейки. Возможно, он воспользовался бы ими, но дело в том, что он

не смог снять их со счета, и они потерялись. Только в наши дни младшему Исфандияру была компенсирована какая-то сумма за утеранные сбережения.

– И за это спасибо, – часто повторяет младший Исфандияр, когда речь заходит об этих деньгах. – Хоть что-то вернули, могли и это не вернуть.

Вернемся к старшему Груше Исфандияру, который достиг невиданных высот в деле разведения индюков в домашнем хозяйстве, в чем ему активно помогала дочь, Санам.

Невезучесть отца в семейных делах в какой-то мере унаследовала и дочь, которая долго не могла выйти замуж. Дело в том, что большинство родившихся после войны в Зогаллы детей по злому стечению обстоятельств оказались девочками, и в деревне не нашелся жених для нее. А вышла она замуж, когда ей было двадцать пять лет, что по зогаллинским меркам в те годы считалось очень поздно. Через каких-то дальних знакомых для нее в мугальской деревне нашли жениха, намного старше нее. В день свадьбы жених вместо того, чтобы забрать невесту к себе, сам вошел в ее дом. Когда односельчане упрекали Грушу Исфандияра в том, что выдал дочь за мужика намного старше дочери, к тому же за мугала, и интересовались возрастом зятя, разницей в возрасте между зятем и дочерью, тот в свойственной ему манере отшучивался:

– Какая там разница? Зять довоенного выпуска, а моя дочь – послевоенного. Вот и вся разница, сейчас посчитайте, сколько получается.

Зять Груши Исфандияра в повседневной жизни оказался беспокойным и здоровым бугаем, редко выходил на улицу, целыми днями занимался домашним хозяйством. Почти каждый день со двора Груши Исфандияра доносился его громкий злой голос – он изощренно бранился, ругая невинных индюков: стало ясно, что в сквернословии с ним в Зогаллы мало кто сможет соревноваться. Поговаривали, что у него имеется справка, поэтому он такой злой и поэтому он в колхозе не работает. О какой справке шла речь, никто из зогаллинцев не знал и сегодня не знает. Действительно, зять Груши Исфандияра никогда не ходил на колхозные работы, целыми днями возился с «индюками тестя», как он выражался. При жизни Груши Исфандияра он считал индюков собственностью исключительно своего тестя.

– Я как наемный работник, целыми днями вожусь с его индюками, – в минуты отчаяния бывало соседям он жаловался. – С утра до позднего вечера кручусь-верчусь, голову почесать некогда.

Часто от зятя доставалось и Груше Исфандияру, но тот предпочитал молчать. Еще рассказывают, что с появлением мугальского зятя в Зогаллы Придурок Муса перестал выходить на источник для излияния души, добровольно уступив неблагодарное занятие сквернословия приезжему мугальскому зятю Груши Исфандияра.

– Даже слушать не хочу, – отвечал Придурок Муса некоторым зогаллинцам, которые в шутку предлагали ему наконец-то показать свое искусство и заткнуть рот зятю Груши Исфандияра. – Разве нормальный человек станет ругать индюков? У человека справка, нормальному человеку справку не дадут. Я, слава Аллаху, обхожусь без справки и никогда плохо в адрес животных не выражался.

Никто в Зогаллы долгое время не знал имени зятя Исфандияра, между собой зогаллинцы называли его Мугалом. А когда стало известно его настоящее имя, было уже поздно отучать зогаллинцев, до самой смерти продолжали его так и звать. Дети звали его «дядей Мугалом», он не обижался.

Мугал был достаточно тупым и архаичным человеком, долгие годы не разрешал Груше Исфандияру покупать домой телевизор.

– Я сыт кулдыканьем твоих индюков, – кричал он на Грушу Исфандияра, когда речь заходила о необходимости купить домой телевизор. – Я за целый день так от них устаю, что только твоего ящика не хватает, чтобы еще вечером мне оттуда голову морочили. Мне дневных песен твоих индюков достаточно.

Груша Исфандияр первым среди зогаллинцев освоил точную диагностику определения яйценоскости индюшек, применив собственный метод. Как всё гениальное, метод Груши Исфандияра был очень прост: по утрам, прежде чем выпускать индюшек в фундуковый сад для выпаса, он проверял их. В отличие от кур, начинающие нести яйца индюшки несут их не каждый день, а, как правило, через день. И что интересно, они любят нести яйца на природе, где-нибудь в кустах фундуковых деревьев. И найти конопатые яйца, снесенные огромной толпой индюшек в фундуковых кустах, становилось проблемой. А лишаться значительных денег, которые он зарабатывал от продажи яиц, не собирался. Вот тут-то и пригодился ему собственный метод.

День для Груши Исфандияра и его индюшек начинался с утреннего осмотра, который занимал больше двух часов. Груша Исфандияр сидел перед индюшатником на низком табурете, дочь и зять по одной подносили ему индюшек-несушек на осмотр. Вводя маленький палец в заднее отверстие индюшек, Груша Исфандияр со стопроцентной точностью определял, снесет сегодня яйцо та или иная индюшка или нет. Что, в свою очередь, естественно, резко ограничивало свободу самой индюшки в выборе мест для несения яйца. Отобраным Грушей Исфандияром для несения яиц индюшкам приходилось в тот день оставаться запертыми в индюшатнике, пока они не произведут на свет ожидаемые от них яйца. По словам близких, родных и соседей Груши Исфандияра, за всю долгую практику он ни разу не ошибся в определении яйценоскости индюшки. Поэтому крики, поднятые запертыми индюшками, требующими их немедленного освобождения, никогда не имели положительной перспективы, пока те не сносили ожидаемый от них продукт.

Мне в зрелые годы не раз приходилось наблюдать за поведением индюшек Груши Исфандияра после принесения им яиц, благо, его двор хорошо просматривался с нашего двора. Я уже как-то писал, что самым крупным наблюдателем за поведением птиц в Зогаллы в те годы являлся Кара-дайы, он же меня пристрастил к этому делу. По словам Кара-дайы, наблюдать за птицами он начал за год до призыва в армию. В первое время он наблюдал за поведением домашних кур, со временем переключился и на других пернатых. А в армии, по образному его выражению, он наблюдал и «за более интересными птицами», ехидно улыбаясь и давая понять, что его действия при этом не ограничивались только наблюдением.

Так вот, наблюдая за запертыми индюшками, выбранными Грушей Исфандияром, я быстро определил форму их поведения. В первые минуты пребывания за закрытыми дверями они поднимали невиданный шум, на что Груша Исфандияр реагировал очень спокойно.

– Что вы кричите, – обращался он к индюшкам. – Чем быстрее снесете, тем быстрее и уйдете на свободу!

Со временем индюшки действительно притихали и недовольно пробирались в оборудованные из ящиков гнезда, где они должны были снести яйца. После того, как снесут яйца, индюшки второй раз поднимали крик, на этот раз законно требуя освобождения. Но прежде чем отпускать их на волю, Груша Исфандияр дополнительно проверял индюшек, выпуская только добросовестных и оставляя тех, которые под шумок собирались выйти на свободу, не произведя требуемые от них яйца. В последние годы своей жизни Груша Исфандияр потерял зрение, почти ослеп и видел слабо. Несмотря на это, он каждое утро продолжал заниматься любимым делом и без ошибки с первого раза втыкал маленький палец в задницы индюшек под недовольный их писк.

Однажды всё-таки ошибся в своем диагнозе Груша Исфандияр.

Кто-то из моих друзей во время нашего очередного наблюдения, что являлось результатом нашего безделья, предложил отдать ему на проверку молодого индюка, по размерам мало в чем отличающегося от индюшки.

Дурь всегда интересна увлекательностью, идея нам понравилась, и мы вошли к нему во двор. Указав маленькому Исфандияру, который в то утро подносил индюшек бабушке на проверку, чтобы тот промолчал, мы поймали в индюшатнике молодого индюка и отправили на проверку.

В отличие от индюшек, которые за годы проверок привыкли к ежедневным экзекуциям в виде проникновения в их задницы пальца Груши Исфандияра, молодой индюк сперва яростно сопротивлялся, но, как вы уже догадались, безуспешно. Это со зрением у Груши Исфандияра были проблемы, а в остальном он действовал ловко, хотя с первого раза у него ничего не получилось.

– Она что, без задницы, что ли? – сказал громко Груша Исфандияр, взял за горло индюка левой рукой, засунул его крылья под левую же мышку и крепко зажал их, лишив его орудия сопротивления, и с третьего раза воткнул-таки палец в вожденную дырку. Поковыряв пальцем в заднице птицы секунд пять, он вернул ее внуку, указав на индюшатник.

– Эту тоже оставлять, – сказал он внуку, возвращая индюка под наш веселый смех.

Неординарный и безошибочный метод определения яйценоскости индюшек, применяемый Грушей Исфандияром в своем домашнем хозяйстве, в те годы сильно заинтриговал Абид-муаллима. Он несколько раз по утрам приходил к Груше Исфандияру, участвовал в процессе определения яйценоскости индюшек и делал какие-то заметки в своем блокноте.

К концу осени в Зогаллы приехал фотограф из районной газеты и сфотографировал Грушу Исфандияра в окружении индюков. Не прошло и трех дней, как в районной газете вышла небольшая статья, но с большой фотографией, об умелом пенсионере из Зогаллы, написанная Абид-муаллимом. В день выхода газеты Абид-муаллим со свежим экземпляром газеты появился во дворе Груши Исфандияра и показал ему результат своего труда. Тот долго не мог оторваться от газеты, почему-то сильно удивлялся схожести фотографии, напечатанной в газете, с собой.

– Ну, надо же, а, – несколько раз повторил он. – Ну, Абид-муаллим, даже не знаю, как вас отблагодарить. Прославили меня на весь район!

Абид-муаллим тут же заявил, что это только начало. Не только район, но и вся республика должны знать об этом передовом методе, а позже надо будет известить всю страну.

Оставив газету Груше Исфандияру, он ушел, на выходе еще раз повторил:

– Это только начало!

На следующее утро Груша Исфандияр лично занес Абид-муаллиму домой первую тушу здорового индюка, таким образом отблагодарив его за статью в районной газете. Тот поначалу не хотел брать индюка.

– Считаю своим долгом писать о передовых людях Зогаллы! – торжественно заявил тогда Абид-муаллим, отталкивая сумку с тушкой индюка. – Если не я, то кто тогда?

Тут оба задумались. Действительно, кто-то должен известить мир о том, что Зогаллы – не забытый край. Если не вышли из Зогаллы знаменитости, ученые, профессора, это же не говорит о том, что тут живут глубоко отсталые люди? А когда Абид-муаллим сказал Груше Исфандияру, что на всю страну будем патентовать его метод определения яйценоскости индюшек, тому даже показалось, что надо было забыть хотя бы пару индюков.

– Метод зогаллинского Исфандияра! Вот так и назовем твой метод! – заявил Абид-муаллим.

После таких слов воодушевленный Груша Исфандияр, можно сказать, силой заставил Абид-муаллима взять сумку с тушкой индюка, хотя тот сам в конце начал было сомневаться, не сильно ли упорствует в отказе взять сумку.

Таким образом была заложена форма расчетов между Грушей Исфандияром и Абид-муаллимом за работу последнего в деле популяризации метода первого. Обращение к райкому с письмом Груша Исфандияр тоже оценил в одного индюка, принесенного им Абид-муаллиму.

Дальше пошли письма в республиканские инстанции, после каждого из них Абид-муаллим добросовестно отчитывался перед Грушей Исфандияром. А тот, в свою очередь, подносил ему очередную тушку индюка за проделанную работу. Что интересно, ни от одной инстанции ответов на отправленные письма и обращения не приходило. Районные и республиканские инстанции молчали.

Тогда Абид-муаллим решился на более отчаянный шаг.

– Будем писать в Москву, они-то уж нам точно ответят! – поднял ставки Абид-муаллим, известив о своем решении Грушу Исфандияра, и стало ясно, что на этот раз тому одним индюком не отделаться, обращения в Москву стоят дороже.

Абид-муаллим решил отправить Грушу Исфандияра на ВДНХ в Москву, чтобы тот на самой лучшей выставке страны показал свой метод и заодно поделился опытом разведения индюшек в домашнем хозяйстве. В своих письмах в Москву Абид-муаллим подробно описывал суть метода, не стесняясь, указывал, путем введения какого именно пальца и на какую глубину задницы птицы определяется, снесет сегодня она яйцо или нет.

Идея участия в выставке ВДНХ и перспектива поездки на старости лет в Москву так заинтриговали Грушу Исфандияра, что в ту зиму он подарил Абид-муаллиму еще четыре туши индюшек. Абид-муаллим, хотя и старался всюю, но из большинства инстанций в Москве или вовсе не было ответов, или же писали о нецелесообразности данной поездки. Позже, анализируя ответы Москвы о нецелесообразности участия Груши Исфандияра в выставке ВДНХ, Абид-муаллим неожиданно для себя вычислил причину отказов:

– Не стоило, наверное, указывать, каким именно пальцем Груша Исфандияр определяет яйценоскость птицы, – как-то поздним зимним вечером, в момент очередного раздумья, тихо произнес он. – Москва всегда предпочитала и сегодня предпочитает работу с указательным пальцем.

Пока Москва молчала, весной неожиданно ответила столица Азербайджана. В одном полученном из Баку письме, где тоже отвергалась возможность поездки в Москву, указывалось на возможность участия Груши Исфандияра в намечаемой в мае месяце сельскохозяйственной выставке в Баку. В письме также указывалось, что для удостоверения новизны указанного метода в Зогаллы в ближайшее время прибудет небольшая комиссия из райцентра.

И действительно, через неделю после получения этого письма в Зогаллы прибыла комиссия для ознакомления с методом Груши Исфандияра и удостоверения правдивости его результатов на практике.

Комиссия тогда обошлась Груше Исфандияру еще в трех здоровых индюков, зарезанных с вечера. Кроме того, пришлось накрыть большой стол, за которым к обеду собрались не только члены комиссии, но и весь зогаллинский актив во главе с Абид-муаллимом.

Было начало апреля, погода в тот день с утра была изумительная. Но члены комиссии не стали любоваться весенней зогаллинской природой, они с утра занялись собственно тем, для чего прибыли в Зогаллы: приступили к фиксации правдивости описанного в письме метода.

Перед индюшатником поставили стол, и члены комиссии вместе с Абид-муаллимом разместились за ним. Груша Исфандияр сидел на привычном табурете, индюшек подносил на проверку зять Груши Исфандияра – Мугал. Дочь Санам вместе с еще одной соседкой и сестрой Груши Исфандияра были заняты подготовкой обеденного стола.

Для проверки отобрали двадцать индюшек. Поднос каждой индюшки сопровождался бурчанием и недовольством по поводу придуманной тестем затее со стороны Мугала. Тому с самого начала не понравилась идея поездки тестя в Баку, поэтому в тот день он вел себя странно и агрессивно.

Из двадцати отобранных индюшек для снесения яиц Груша Исфандияр оставил двенадцать, остальных отпустил на выпас. Члены комиссии предварительно проверили гнезда в индюшатнике, убедились, что они пустые. После этого, закрыв на замок дверь индюшатника под недовольный гул индюшек, комиссия села на обед.

Обед был организован на славу, зогаллинское вино текло рекой, желающим наливались также более крепкие напитки. В первых тостах звучали пожелания в адрес виновника застолья и заодно хозяина двора Груши Исфандияра, чтобы способ определения яйценоскости индюшек сегодня сработал на все сто, и чтобы отобранные им индюшки не подвели его. Груша Исфандияр благодарил всех за пожелания, при этом твердо отвечал, показывая всем свой маленький палец:

– Я в нем уверен! Он меня не подведет!

Приезжие также интересовались у Груши Исфандияра, чем он свой палец обрабатывает после проверки яйценоскости птиц? Это раз. А во-вторых, обрабатывает ли свой палец после каждой индюшки? Как-никак, по словам одного из членов комиссии, палец не раз в течение проверки бывает в не очень гигиенически чистых местах. И тут ответ Груши Исфандияра был тверд:

– Ничем не обрабатываю! Проверяю их, а после проверки мою руки, заодно и рабочий палец обыкновенным хозяйственным мылом.

Для убедительности он послал своего внука к рукомойнику, чтобы тот принес находящееся там хозяйственное мыло и показал его членам комиссии. Тут же все члены комиссии возразили, что они ему верят, нет необходимости в демонстрации хозяйственного мыла. Но было поздно. Шустрый младший Исфандияр мигом помчался к рукомойнику, прибитому к старому грушевому дереву, и вернулся с хозяйственным мылом на мыльнице. Большой, коричневый кусок хозяйственного мыла почему-то не понравился председателю комиссии, опрокинув очередной стакан вина, он негромко произнес:

– В Баку с хозяйственным нельзя ехать! Если что, придется снарядить его туалетным мылом.

Все члены комиссии согласились с председателем, закивали головами. Абид-муаллим тоже согласился с ним, подчеркнул, что Груша Исфандияр – человек старой закалки, поэтому моет руки хозяйственным мылом. Хотя большинство зогаллинцев давно в быту наряду с хозяйственным пользуются и туалетным мылом. И если дело дойдет до поездки, он лично проконтролирует этот вопрос и снабдит Исфандияра несколькими кусками туалетного мыла и новой мыльницей.

Председатель районной комиссии чуть позже задал еще один вопрос, который Абид-муаллиму показался провокационным. Посмотрев с полминуты на крестьянские пальцы Груши Исфандияра, он неожиданно для всех присутствующих спросил у него:

– Почему именно маленьким пальцем вы работаете? Он что, особо чувствительный у вас? Или дело в привычке?

Присутствующие за столом зогаллинцы дружно захихикали, услышав столь безграмотный вопрос уважаемого гостя, ведь даже школьнику понятно, что работа с маленьким пальцем намного безболезненнее для птицы. Потому он и называется маленьким, что он по толщине уступает остальным пальцам на руке. Примерно так же ответил и Груша Исфандияр, но перед ответом он продемонстрировал всем членам комиссии свои грубые, покрытые трещинами пальцы:

– Да этим пальцем, – остановился он на указательном пальце и еще раз показал его гостям, – не то что в задницу индюшки, в задний проход коровы и то я не смог бы попасть, – утрировал он.

– Выбор маленького пальца продиктован исключительно соображениями безболезненного осуществления диагностики, – культурно резюмировал Абид-муаллим, и вроде все члены комиссии остались довольны ответом. – Нельзя наносить травму птице, мы исходим из того, что любой подход должен быть гуманным.

Часа через два запела первая индюшка, но, по условиям проверки, члены комиссии подождали еще час, и ровно через три часа подвыпившие и веселые члены комиссии в присутствии Абид-муаллима, Груши Исфандияра, а также заполнивших двор любопытных зогаллинцев открыли дверь индюшатника и выпустили индюшек на волю. Потом два члена комиссии вместе с Абид-муаллимом зашли в индюшатник и приступили к подсчету яиц. Груша Исфандияр, хотя внешне и выглядел спокойным, позже признался, что волновался порядком. Не прошло и трех минут, как члены комиссии, выйдя из индюшатника, громко объявили:

– Двенадцать! – и показали собранные в небольшое ведро яйца.

Тут же посыпались поздравления в адрес Груши Исфандияра. Не успел Груша Исфандияр нарадоваться поздравлениям, случился неожиданный конфуз. Всезнающий Абид-муаллим стал настаивать на составлении протокола, но председатель комиссии почему-то не хотел его составлять, убеждая Абид-муаллима, что в этом нет необходимости. Якобы им такая бумажка не нужна, им поверят и на слово.

– А нам такая бумажка нужна! – твердо подчеркнул Абид-муаллим, сел за стол и собственноручно стал составлять протокол. В члены комиссии он, кроме приезжих, включил себя, Грушу Исфандияра и двух его соседей. Приезжим членам комиссии неохотно, но пришлось поставить свои подписи под составленным Абид-муаллимом протоколом. Затем подписались и местные. Интересное случилось позже. Перед уходом недовольный составлением протокола председатель комиссии вернулся к двери индюшатника, к нему подтянулись другие члены комиссии. Подошли Груша Исфандияр и Абид-муаллим. Председатель комиссии задал якобы два уточняющих вопроса Груше Исфандияру. Сперва он спросил, проверял ли тот свой метод на соседских индюшках или метод отработан исключительно на своих. Груша Исфандияр честно признался, что он никуда со своего двора не выходит, работает только со своими индюшками. Никто из зогаллинцев никогда его и не просил, чтобы он проверял на яйценоскость их индюшек тоже.

Председатель комиссии неодобрительно покачал головой и тихо произнес:

– Метод требует дополнительной обработки.

Вторым вопросом он еще усугубил ситуацию.

– Сможете ли вы, – обратился председатель комиссии к Груше Исфандияру, – определить яйценоскость у мугальских или грузинских индюшек?

– Не думаю, что мугальские и грузинские индюшки чем-то отличаются от наших, но я не буду ковыряться в задницах ни мугальских, ни грузинских индюшек, – резко отверг Груша Исфандияр саму возможность такой проверки.

– Всё ясно, – произнес председатель комиссии, на выходе поблагодарил Грушу Исфандияра за хлеб-соль и, обратившись к Абид-муаллиму, сказал: – Доложим всё вышестоящему руководству и о результатах на днях сообщим! Метод, конечно же, требует дополнительной обработки.

Начались изнурительные дни ожидания решения комиссии. Не только Груша Исфандияр, но и большинство зогаллинцев были уверены в положительном ответе. В узких кругах обсуждалось количество индюшек, которых должен был взять с собой в Баку на выставку Груша Исфандияр. Большинство сходились на том, что для выставки достаточно десяти индюшек, в конце концов, дело же ведь не в количестве птиц, а в обработанности самого метода. Сам Груша Исфандияр, наоборот, расщедрился:

– В Баку поеду с индюшками, обратно вернусь без них. Подарю их там членам правительства, которые, несомненно, придут воочию убедиться в уникальности моего метода.

Скептики советовали для подарка взять с собой еще десяток индюков, потому как подарить выставочных индюшек-несушек будет выглядеть не по-хозяйски.

Большинство зогаллинцев считали обсуждение количества индюшек для вывоза на выставку без положительного ответа комиссии преждевременным, их взоры были обращены в сторону Абид-муаллима. Тот тоже ждал ответа комиссии.

Абид-муаллим терзался сомнениями, последние недовольные вопросы председателя комиссии тогда не очень понравились ему. «Может, не стоило затевать вопрос с протоколом», – укорял он себя, не найдя успокоения.

Через восемь дней председатель комиссии лично позвонил Абид-муаллиму и сообщил не приятный для всех зогаллинцев вердикт: на этот год участие Груши Исфандияра в республиканской выставке комиссия сочла преждевременным. Даст Аллах, будем живы, сообщил председатель, приедем в следующем году, еще раз проверим способности старика, и если он за год не потеряет навыков по определению яйценоскости индюшек, то в следующем году обязательно отправим его в Баку.

Абид-муаллим резко перебил председателя комиссии.

– Нет уж! – закричал он в трубку. – Больше вас кормить мы не намерены! Ни в следующем году, ни еще через год! Столько индюков для вас зарезали, такой стол накрыли, что еще вам нужно было? Зачем нужен был этот цирк? Нельзя было сразу сказать: «Вы туда не поедете»? Что сейчас я старику отвечу? Как я в глаза ему посмотрю? Индюков пустил в расход, накрыл такой стол – чтобы потом вы ему отказали?

– Нет так нет, – тихо ответил председатель комиссии, не выдавая своей радости, – как скажете. С другой стороны, Абид-муаллим, согласитесь, метод у вашего старика какой-то странноватый. Ковыряться в заднице птиц перед участниками выставки негоже уважаемому старику.

Одним словом, не поехал тогда Груша Исфандияр никуда со своими индюшками, страна так и не узнала о его передовом методе определения яйценоскости индюшек путем введения маленького пальца в заднее отверстие птицы.

Но метод быстро распространился среди зогаллинцев, благо, Груша Исфандияр никому из земляков не отказал в его применении на практике. Еще при жизни он научил свою дочь, со временем она научила младшего Исфандияра, внука Груши Исфандияра. Сегодня дети младшего Исфандияра с успехом применяют метод прадедушки, с честью продолжая семейные традиции в разведении индюшек в домашнем хозяйстве.

Только зять Груши Исфандияра не захотел освоить метод тестя, категорически отвергая саму попытку вхождения пальцем в задницу птицы. Еще при жизни ныне покойный Груша Исфандияр несколько раз попытался обучать зятя, когда тот подносил ему индюшек на проверку.

– Ничего трудного тут нет, – объяснял он зятю. – Берешь вот так индюшку, крылья под мышку, держишь рукой, а маленьким пальцем другой руки...

Каждый раз на этом месте Мугал перебивал тестя и кричал:

– Даже думать не хочу! Тебе нравится, ты и ковыряйся там! Не буду я это делать!

Когда в очередной раз Груша Исфандияр хотел объяснить зятю свой метод, показывая маленький палец, того заклинило:

– Да не буду я там ковыряться – ни маленьким пальцем, ни указательным! Может, еще членом проверить прикажешь?! Неужели не ясно?

После таких слов Груше Исфандияру стало ясно, что умрет он, так и не сумев убедить зятя в необходимости изучения метода определения яйценоскости индюшек.

А умер Груша Исфандияр в день открытия Московской Олимпиады, когда он по телевизору смотрел прямую трансляцию этого мероприятия. «Смотрел», конечно, громко сказано – почти ослепший Груша Исфандияр, скорее, слушал телевизор.

Телевизор был куплен за месяц до Олимпийских игр: после долгих уговоров зять дал «добро» на его приобретение. Говорят, Груша Исфандияр обожал телевизор, он сидел перед ним на полу и до последней передачи по вечерам не отходил от него, слушал всё подряд. Во время просмотра-прослушивания открытия Олимпиады у него не выдержало сердце, как шутили тогда зогаллинцы, от переполнения чувством гордости за страну, которая проводила Олимпиаду. Шутки шутками, позже многие зогаллинские злые языки, когда речь заходила о смерти Груши Исфандияра, еще и добавляли:

– Жить бы Груше Исфандияру еще и жить, не будь Московской Олимпиады!

Через месяц после того, как Груша Исфандияр начал обитать на небесах, его мугальский зять у изголовья могилы тестя посадил грушевое дерево, как бы увековечивая его память. Сегодня это огромное, каждый год обильно плодоносящее дерево высотой больше пятнадцати метров. Проживающие поблизости от кладбища зогаллинцы осенью собирают его урожай и гонят крепкую грушовку. Первым тостом обязательно вспоминают Грушу Исфандияра. Говорят, однажды они угостили Придурка Мусу грушовкой, полученной с грушевого дерева у могилы Груши Исфандияра, напиток так ему понравился, что тот посоветовал посадить еще и огурцы вокруг его могилы.

Между прочим, на похоронах Груши Исфандияра речь в очередной раз зашла и о его длинном прозвище, и Байрам-муаллим в очередной раз разочаровал своих земляков. Он указал, что длинное прозвище сегодняшнего покойника, несмотря на то, что в последние годы он носил его в укороченном виде, не идет ни в какое сравнение с длинными прозвищами американских индейцев. И в литературном значении, и в смысловом значении оно якобы сильно уступает длинным прозвищам американских индейцев. Возможно, поэтому зогаллинцы и сократили прозвище Исфандияра. И для примера он тогда привел несколько прозвищ вождей индейских племен:

– Вот, например, какие красивые прозвища у них: «Стоящий, Как Медведь», или, скажем, «Далеко Достигающий Солнечный свет», или же «Облако Громовой Птицы». Не то что прозвище покойного Исфандияра, да ниспошлет Аллах ему милости: «Мечтавший о моченой груше в конце мая». Оскорбительное прозвище за невинную просьбу тяжелобольного человека, в минуты, когда тот температурил и, возможно, бредил.

Большинство зогаллинцев согласились с Байрам-муаллимом в той части, что с самого начала не стоило называть Исфандияра длинным прозвищем, но укорачивать его до Груши тоже не стоило, логичнее было бы называть его в окончательном варианте «Моченой Грушей», и всё! На похоронах Груши Исфандияра Кара-дайы то ли в шутку, то ли всерьез произнес крамольное предположение.

– Если бы в свое время не присвоили Исфандияру прозвище, связанное с грушей, со временем его обязательно прозвали бы индюком. Как по мне, – сказал он, – груша лучше индюка. Да простит Аллах все грехи Груше Исфандияру, сколько индюшек он замучил своим маленьким пальцем при жизни. Аминь!

– Аминь! – произнесли все присутствующие и, улыбаясь, разошлись.

Рассказ о прозвище Груши Исфандияра для занимательности хочется дополнить одной историей, случившейся с его внуком, носящим не только имя дедушки, но и его прозвище.

Младший Исфандияр в противовес своему отцу с раннего детства был общительным мальчиком и сегодня таковым остается. В детские годы внешне он выглядел старше своих сверстников, поэтому нередко его можно было видеть в компании ребят, на несколько лет старше него. Высокий, толстенький мальчик в каждый мой приезд в Зогаллы, когда я учился в институте, приходил к нам здороваться со мной

и часами пропадал у нас, задавая от любопытства вопросы. А уходя, делал серьезный вид, каждый раз обязательно приглашал меня в гости.

– Родители в курсе, – просил он так убедительно, что я никогда ему не отказывал. – Завтра в обед, хорошо?

– Индюка зарежешь? – шутил я.

– Сколько хотите, – серьезно отвечал он, – вы только приходите.

Тяга к всевозможным застолям у меня скорее наследственная, в этом я однозначно пошел в Кара-дайы, с которым именно в годы учебы в институте начал интенсивно общаться. Поэтому отказать ребенку в его просьбе я никогда не позволял себе, наоборот, каждый раз с удовольствием соглашался, зная, какой обильный стол ждет меня. Однажды я попросил младшего Исфандияра пригласить еще и Кара-дайы. «С ним намного интереснее будет», – сказал я ему. Дело в том, что отец младшего Исфандияра был непьющим, каждый раз для составления мне компании им приходилось приглашать кого-то из своей родни. Застолье с плохо знакомыми людьми всегда сковывает начинающего оттачивать свое мастерство в этом деле человека, каковым я в те годы являлся. Сегодня, переверачивая страницы истории нашего знакомства с Кара-дайы, я с уверенностью могу сказать, что первый раз спиртное с ним я выпил именно в гостях у внука Исфандияра. А у себя дома Кара-дайы стал угощать меня продуктами собственного изготовления только после моей службы в армии.

Отец младшего Исфандияра никогда не сидел с нами за столом, – просидев несколько минут в самом начале застолья, он покидал нас под предлогом ухода то ли за индюками, то ли за коровой. Но при встречах со мной обязательно подчеркивал, что единственной его мечтой является встреча того дня, когда младший Исфандияр поступит в институт.

– Если что, – добавлял он, понижая голос, – ты нам не чужой, так что буду откровенен: деньги у нас есть! И дедушка оставил, и сейчас на индюках кое-что имеем. Лишь бы он учился.

Младший Исфандияр не подвел родителей, учился он хорошо, по окончании школы поступил в Баку в институт. Всезнающие зогаллинцы утверждали, что поступил он сам, даже не воспользовался при этом дедушкиными деньгами.

В свой очередной отпуск, узнав о поступлении младшего Исфандияра, я решил поздравить его родителей и пришел к ним. Те, как всегда, были заняты во дворе своими индюками. Мое неожиданное появление сильно обрадовало обоих родителей младшего Исфандияра: поздравив их, я не стал засиживаться, несмотря на уговоры.

– Вот приедет Исфандияр на каникулы, тогда и сядем, – сказал я и стал уходить. – Мальчик он умный, так что не волнуйтесь, будет учиться. Не переживайте, – успокоил я их.

Провожая меня, отец Исфандияра успел доложить, что он лично не захотел, чтобы сын в Баку жил в студенческом общежитии:

– Вы же лучше меня знаете, что такое общежитие. Общежитие, образно говоря, это наш индюшатник. – Я не сразу понял, к чему такое сравнение. – И большие индюки есть, и здоровые, и спокойные, и крикливые. Более здоровые и шустрые индюки на ночь взбираются на верхние шесты, а слабым приходится размещаться на нижних. Так вот, каждое утро, выпуская индюков на волю, я вижу, как за ночь верхние индюки обгадили нижних. Я уверен, что в общежитии то же самое происходит! Лучшие места обязательно достаются сильным и шустрым. А мой мальчик с деревенской простотой и добротой будет страдать. Поэтому спасибо моей родне, проживающей в Баку. Подобрали они Исфандияру отдельную квартиру с хозяйкой, хотя предлагали даже в первое время остановиться у них. Я не захотел, зачем быть обузой, если они даже твои близкие. Так вот, хозяйка ему и кушать готовит, и стирает, и убирает. Я, естественно, за всё это плачу ей. Лишь бы наш Исфандияр не отвлекался и учился. И каждую субботу бакинским автобусом передаю ему сумки с едой.

С первой недели как начал передавать, по сей день передаю. И буду передавать. Не голодать же ребенку, когда всего у нас полно. Со всеми водителями бакинских автобусов уже познакомился. Увидев меня, сами останавливают на трассе. За сумку пять рублей берут. А Исфандияр в Баку выходит и забирает.

– Индюшек, наверное, передаете? – пошутил я.

– Обязательно! Как же без индюшек! Вот сколько их во дворе. А для кого работаем? По одной-две тушки каждую неделю. Всё отправляем: и орехи, и фасоль, хлеб свежий из тандыра, сыр в Гахе на базаре покупаю. И масло домашнее. Не в магазин же ему ходить, когда у нас всё есть. Тем более, в магазинах ничего нет.

– Ну, и правильно, – поддержал я его и стал прощаться с ними. Тетя Санам стояла чуть дальше и молчала, кивая головой и поддерживая мужа.

Вдруг этот здоровый Мугал взял меня за руку и неожиданно для меня, умоляюще попросил:

– Оставайся, очень прошу, сейчас зарежу двух индюков, шашлыков сделаем! Хочешь, побегу и Кара-дайы приглашу? Я знаю, тебе нравятся его рассказы. Узнает Исфандияр, что мы не угостили тебя даже чаем, что он нам скажет?

– Оставайтесь, – тихо произнесла и тетя Санам, добрый свет в ее глазах говорил об искренности ее просьбы.

Мне стоило больших трудов убедить их, что сегодня я точно не могу, в следующий раз, с Исфандияром, обязательно сядем и шашлыки сделаем.

– Весь двор ваш, режьте и делайте! Мне не жалко, на здоровье!

– Еще раз я вас поздравляю! – на прощанье сказал я и ушел.

К концу дня, когда уже стемнело, мы сидели дома и пили чай. Я рассказывал домашним, как сегодня отец младшего Исфандияра настаивал, чтобы я оставался на обед у них.

– Грозился зарезать двух индюков и сделать шашлыки, – как бы меж слов отметил я.

Отец сперва слушал меня без особого энтузиазма, ему никогда не нравились мои похождения по гостям во время пребывания в отпусках. Тут он прибодрился и спокойно сказал:

– И зарезал бы! Мугал – твердый мужик и к тому же не жадный!

Вдруг залаяла собака, с улицы окликали нас. Младший брат пошел узнать, кто же к нам пробивается. Через пять минут он вернулся с большой торбой.

– Угадайте, что тут? – улыбаясь, спросил он у нас.

– Нечего гадать, – моментально ответил отец, – там индюки. Когда с улицы звали, я по голосу сразу узнал, что это Мугал.

Действительно, из торбы брат достал и положил на стол две очищенные, выпотрошенные и опаленные тушки индюков.

– Знаешь, – обратился брат ко мне, – он попросил, чтобы обязательно нажарили шашлыков!

– А ты что ответил? – строго спросил отец.

– «Обязательно так и сделаем», – ответил я ему.

– Спасибо ты хоть ему сказал?

– Ничего не сказал. Отдал он торбу и ушел.

Еще через год мой отпуск, как всегда, выпал на сентябрь месяц. На самом деле время отпуска выбирал я сам. Сентябрь – идеальный месяц для отдыха в Зогаллы. В сентябре начинается сбор фундука и орехов, в сентябре массово созревают всевозможные фрукты. И самое главное, в сентябре начинается сбор винограда и изготовление нового вина.

Одним словом, в первый же день прибытия в Зогаллы я созвонился с Кара-дайы, и он пригласил меня на следующий день в обед к себе.

Но в тот же день к вечеру брат рассказал мне, что младший Исфандияр тоже в Зогаллы. Летом он в составе студенческого отряда поработал в России, и осенью в сентябре им дали возможность отдыхать дома. При этом брат как-то загадочно добавил, что якобы тот в России то ли какую-то болезнь подхватил, то ли заразился какой-то болезнью, он эти подробности не знает. Но знает, что каждый день отец нанимает легковую машину и возит его в Гах к доктору Рзе на уколы.

О докторе Рзе, работающем в то время в Гахской больнице, я тогда знал немного. Но знал, что на самом деле он не доктор Рза, его так зовут зогаллинцы. На самом деле он молодой грузин, хороший доктор по имени Резо. Для удобства с первого дня его работы зогаллинцы стали обращаться к нему как «Доктор Рза». Благо, и тот был не против, к тому же он хорошо говорил на азербайджанском. Поэтому доктор Резо для зогаллинцев числился как доктор Рза.

В тот вечер я не придавал словам брата особого значения, мало ли, чем может заболеть студент в России. Анекдотические подробности я узнал на следующий день.

В обед, в назначенное время я был у Кара-дайы. Погода в тот день в Зогаллы стояла солнечная, было время года, когда осенняя дневная жара переносится легко, а о вечерней прохладе днем никто не думает.

Небольшой кухонный стол мы вдвоем перенесли под знаменитое грушевое дерево во дворе Кара-дайы и установили его хотя и в тени, но через начинающие желтеть листья просачивались солнечные лучи.

В те годы наши с Кара-дайы беседы, как правило, начинались с полезности полученного мною в институте образования, точнее, насколько оно оказалось нужным мне. Кара-дайы называл это «полезностью диплома». Под «полезностью диплома» он подразумевал, настолько мой диплом позволяет мне иметь левый заработок.

– Одной заработной платой семью не прокормишь, – утверждал Кара-дайы, и что-то противопоставить его утверждению я тогда на самом деле не имел оснований.

– Пока да, – отвечал я ему, но чтобы сильно его не разочаровать, добавлял: – Пока на одной заработной плате, может, со временем что-то появится.

– Ага, появится! Сиди и жди. Принесут и в лапу положат. Самому надо действовать, – призывал он меня к решительным действиям.

Тут же он приводил пример, скажем, сына того же Гусейна, который работал на приемке табака.

– Два года как закончил сельхозинститут – и машину купил себе, и вот начал новый дом строить. Заочно учился, между прочим, и не в Русете, как некоторые!

Обычно приводилось несколько примеров, где молодые зогаллинские специалисты, собственники новых дипломов, неплохо зарабатывали на жизнь.

Сегодня Кара-дайы решил пойти дальше, в надежде, видимо, таким способом показать ничтожность моего диплома.

– Зачем далеко ходить? – на самом деле издали начал он. – Тот же Мугал, зять покойного Груши Исфандияра, на индюках имеет в сотню раз больше, чем ты со своим институтским дипломом! Деньги, говорят, уже не знает, куда сложить! Зачем диплом, спрашивается, зачем учеба, когда можно вырастить индюков, поковыряться по утрам в их задницах, и живи себе, как арабский султан!

Мне ничего не оставалось, как соглашаться с Кара-дайы:

– Да, при правильном уходе на индюках хорошие деньги можно поднять.

– Так вернись и поднимай, чего сидишь там? – закричал он на меня и тут же сменил тему: – Завтра мне в Шеки надо ехать по делам, не знаю, кого попросить,

чтобы меня отвезли на машине. Был бы ты у меня толковым внуком, сегодня с твоим дипломом имел бы две машины: одну тут, другую у себя в Русете! И отвозил бы меня, куда надо, при надобности. А так приходится чужих просить, еще и платить.

Я молчал, терпел, знал, что еще осталось немножко, как только мы начнем трапезу, мы перейдем к основной теме наших бесед, и Кара-дайы начнет рассказывать очередную историю из своей героической жизни и оставит в покое меня, недотепу.

Стол был готов, можно было и начинать есть, но не хватало главного.

Из всех качеств Кара-дайы я больше всего не переношу именно это – как он до последней минуты тянет с подносом спиртного на стол. Когда на стол подано всё горячее, остается только начинать есть, а он медлит и медлит. Может, в его возрасте так и надо готовиться к употреблению пищи, но когда за столом молодой, к тому же проголодавшийся человек, приглашенный тобой к определенному времени, думается, в подвал можно было и сходить предварительно. Но Кара-дайы всё это не скажешь, не намерен он менять свои годами отработанную привычку. Вот и сегодня, когда можно было и начинать есть, он медленно встал со стула и неторопливо полез в подвал. А ты сиди, пускай слюни и жди, когда вернется Кара-дайы. Еще и, бывает, хвастается иногда, что, мол, в моем лице он якобы готовит себе замену. Кто-то должен, мол, в роду, после него, так же, как он, организовывать и участвовать в застольях. Я должен признаться, ничего против этого не имею, сегодня, по истечении стольких лет, даже признаюсь: он добился своего! Моя любовь к всевозможным застольям – не только временное увлечение, но часть образа жизни, за что я, конечно же, благодарен именно ему, моему Кара-дайы.

Наконец-то показывается его голова из подвала, к двери которого устремлены мои взоры. Потом он наблюдается по пояс, и картина задерживается. Я знаю, что задержался он, чтобы закрыть дверь в подвал. Задержка с закрытием двери в подвал – самая утомительная, пока он повесит небольшой навесной замок, проходит не одна минута. То он не попадает в проушину на створке двери, то ключ в замке почему-то у него не проворачивается. Даже после закрытия двери он несколько раз дергает замок, будто не подвал с продуктами запирает, а ядерный склад. И что самое обидное, больше полулитра он никогда с первого раза не выносит. Сколько у нас было случаев, когда к нашему столу присоединялись то ли соседи, то ли кто-то из нашей с ним родни, и спиртного, естественно, не хватало. На моей памяти был случай, когда народу набралось достаточно много, и он четыре раза спускался в подвал. Может быть, бывали случаи, когда он и больше ходил, но я не помню. После четырех раз ничего не запоминается. С другой стороны, как всё это запоминать, когда твоя обязанность за столом – сидеть и пить то, что он наливает, и соглашаться со всем, что он говорит.

Наконец-то он показался во весь рост и стал медленно идти к столу. «Давайте же быстрее», – хочется поторопить его, но это не тот случай. Единственным утешением является то обстоятельство, что он сейчас поставит на стол прохладный и крепкий напиток, сам же нальет его в толстые стопочки, и начнется очередная наша беседа.

На этот раз получилось немного иначе. Не дойдя до стола, он громко спросил у меня:

– Что за болезнь такая, триппер?

Хорошо, что мы не ели, а то я точно подавился бы едой. Но я успел взять себя в руки, преодолел наступающий, неминуемый в таких случаях смех и спросил у Кара-дайы:

– Что вы спросили? – я хотел убедиться, правильно ли я в первый раз услышал вопрос.

Кара-дайы уже сел за стол, внимательно посмотрел мне в глаза и повторил свой вопрос:

– Что такое триппер?

– А что это такое? – сделал я удивленный вид, хотя начал догадываться, о чем может идти речь.

– Вот я у тебя и спрашиваю, – грозно ответил мне Кара-дайы. – Мне откуда знать, что такое триппер? Ты у нас в институтах учился в Русете, ты должен знать. Я продолжал сопротивляться:

– Вы можете объяснить, в чем дело? От кого вы услышали это слово?

Кара-дайы к тому времени уже наливал по стопкам, не дождавшись моего ответа на свой вопрос, поздравил меня с прибытием в Зогаллы, и мы выпили.

Как можно не любить зогаллинскую тутовку, когда даже пятьдесят граммов этой божественной жидкости делает тебя уверенным: пропадает твоя скованность, и наконец-то начинается полноценное общение! Этот немного маслянистый жгучий напиток наполнен ароматом плодов тутовых ягод и каких-то не известных никому горных трав, вкус которых лучше всего воспринимается с первой стопкой. Не знакомому с тонкостями принятия этого напитка покажется, что ничего необычного в этой жидкости нет, водка как водка, но когда через полчаса у него вытянутся губы в широкой улыбке, станет ясно: процесс пошел, уважаемый, не злоупотребляй! Только истинный ценитель может оценить достоинства тутовки и попасть в приятную зависимость от этой жидкости. Около минуты, а может, и больше, ушло на то, чтобы слабую кислую жесткую тутовку смягчить горячим супом и брынзой: действовали мы с Кара-дайы одинаково и слаженно. Я решил сыграть на опережение и спросил, не дожидаясь повторения его вопроса.

– Так о каком триппере идет речь? – ко мне пришла уверенность.

Кара-дайы положил ложку в тарелку с супом, но продолжал жевать брынзу.

– Откуда я знаю, о каком триппере. Вчера поздно вечером на улице случайно наткнулся на зятя покойного Груши Исфандияра, на Мугала. Темно было, может, я его не узнал бы, но он узнал меня и подошел поздороваться. Я интересовался его сыном, учебой. Он махнул рукой и сердито сказал:

– Ой, не спрашивайте, Кара-дайы...

– А что случилось-то? Учебу не тянет? – спросил я.

Он призадумался, но ненадолго.

– С учебой как раз у него всё в порядке. Летом, когда все студенты отдыхали, ему захотелось поработать в Сибири. Я не хотел давать ему разрешения, но он настаивал, сказал, что все товарищи его едут работать, а в сентябре они будут отдыхать. Вернулся в конце августа, какие-то деньги заработал. Но вижу, что-то с ним не в порядке. И жена заметила. Сколько ни спрашиваем, всё молчит. Потом уже сам не выдержал, подошел ко мне и сказал, что надо ехать к врачу. К какому врачу, что у него болит – ничего не говорил. На следующий день с утра сели в автобус и в Гах. У ворот больницы я не выдержал и спросил у него:

– Ты хоть скажешь, что у тебя болит? Я твой отец, ты мой единственный сын. Мама всю ночь не спала. Ты что, хочешь нас живыми похоронить?

Только тогда он сказал, что ничего страшного, зайдём к доктору Рзе, он все объяснит. Оказывается, к какому доктору надо, он и без меня знал. Ну, и пришли мы к доктору Рзе, к счастью, никого у него не было на приеме. Доктор сам сидел на стульчике, подняв ноги на стол, читал газету. Дверь в кабинет была открыта, он нас не видел, лицо было прикрыто газетой. Тук-тук, постучал я два раза, только тогда он убрал газету и рукой учтиво пригласил нас, будто генерала приглашает.

– Пожалуйста, заходите. Что у вас?

Мы зашли, стоим, вижу, Исфандияр стесняется. А доктор повторяет:

– Слушаю я вас, кто из вас больной.

Я показал на сына, рассказал всё. Как он летом работал в Сибири и как вернулся, ходит, как ужаленный, не дай Аллах. Тут Исфандияр мне и говорит:

– Папа, можно, чтобы дальше я сам все объяснил доктору. А ты подожди, пожалуйста, в коридоре.

Что мне оставалось делать? Вышел в коридор, а сам себе места не нахожу. А они, хлоп, и закрыли за мной дверь. Пять минут, десять минут, ходил по коридору, что только в голову не приходило. Потом сам доктор открыл дверь и пригласил меня:

– Заходите, аксакал!

Захожу, Исфандияр сидит в углу, а доктор Рза не спеша прошел к своему столу и пригласил меня сесть напротив себя.

– Ничего страшного, – говорил он, – не волнуйтесь, аксакал. Мы вылечим вашего сына быстро.

– Вы можете сказать, – ответил я ему, – чем он болеет, что за болезнь у него?

– Ничего страшного, – повторил мне доктор Рза, – главное, вы не волнуйтесь!

– Ну как же мне не волноваться, когда он у меня единственный сын! И почему вы меня успокаиваете? – сорвался я и перешел на крик.

Посмеялся доктор Рза, встал и подошел ко мне.

– У вашего сына такая молодежная болезнь, – сказал он мне, – парень здоровый, видать, погулял немножко в Сибири, дело молодое, с кем не бывает.

Я вижу, что-то недоговаривает доктор Рза, убаюкивает меня.

Опять сорвался и закричал ему:

– У этой болезни мама-папа есть? Как называется эта болезнь, хоть не страшна она? – и встал.

А он мне на плечи надавил – садитесь, мол. А сам продолжает смеяться.

– И мама есть, и папа, – говорит. – Название болезни вам всё равно ничего не скажет.

Но я еще тот мугал, из упертых, говорю доктору:

– Если не скажете, как она называется, сейчас же заберу сына и поеду в Баку к профессору. А на вас нажалуюсь потом.

Только тогда он понял, что я не из простых, хотя на вид чабан чабаном. Но, видно, его задела моя настырность, перестал улыбаться, стал серьезным.

– Раз так настаиваете, – сказал он после некоторого раздумья, – называется болезнь вашего сына «триппер». – Потом еще два раза и по частям: – Трип-пер! Трип-пер! Понятно? Успокоились? – видимо, испугался, что на самом деле могу пожаловаться.

А Исфандияр, как мышь, сидел в углу и молчал. Я не растерялся.

– Да, сейчас всё понятно, – ответил я доктору Рзе. – И что будем делать?

Он опять начал смеяться:

– Интересный вы человек, аксакал, – сказал он. – Если вам всё ясно, и название болезни знаете, так зачем я вам нужен? Езжайте домой и начинайте лечиться дома сами.

После этих слов доктора Рзы я понял, что не стоило мне так себя вести. С другой стороны, я привел к нему единственного сына, волнуясь, пусть объясняет мне, что к чему, и всё!

Одним словом, извинился я, сказал, что характер у меня такой. А лечить будет он, потому как государство ему дало образование и его посадило за этот стол, а не меня. А если потребуются расходы, пусть не стесняется.

– Расходы потребуются, – тут же преобразился он. – Вы же знаете, в какое время мы живем, ничего не найти, за всё приходится платить. К тому же лечение это не из дешевых. А что касается самого лечения, не волнуйтесь, за неделю мы его вылечим!

Справедливости ради, сколько я ни просил сказать, во что мне лечение сына обойдется, он не назвал сумму.

– Что дадите, и на этом спасибо! – ответил доктор Рза. – Сегодня же начнем

лечить вашего сына, будем уколы делать. Вы не против? – спросил он у меня, будто я ему коллега, и опять посмеялся.

Отвел сына за ширмочку, уколол его и велел каждый день к десяти часам утра быть у него для укола. Я хотел за первый укол сразу же заплатить ему. Он убрал мою руку и сказал:

– Закончим лечение, потом!

– Доктор Рза, – сказал я ему, – вы не думайте, что мы ничего не понимаем! Вы только лечите моего сына. Завтра я привезу две тушки индюка вашим детям, а в конце заплачу, сколько скажете, деньгами!

Обнял он меня, понял, что человек я не скупой, еще раз успокоил меня, и мы вернулись домой...

Кара-дайы тем временем еще раз налил по стопкам. Но я по глазам его видел, что старик охвачен любопытством, ему не терпится узнать, что за болезнь такая, этот триппер, от которого лечится младший Исфандияр. Прежде чем пить по второй, я невзначай проговорил:

– Надо было спросить у отца Исфандияра, что это за болезнь такая?

– Я и спросил, – моментально ответил Кара-дайы.

– А он что?

– А он, видимо, сам не знает, что это за болезнь такая. Но волнуется. К тому же, доктор Рза ему сказал, что если вовремя не лечить парня, потом у него после свадьбы могут быть проблемы. Мол, если запустить болезнь, парень не сможет иметь детей. Напугал грузин Мугала, видимо, побольше индюков с него за лечение решил запросить.

Мне, если честно, было всё ясно, но тем-то я и отличаюсь от остальных собеседников и слушателей Кара-дайы, что я, как правило, предпочитаю молчать и слушать, всегда и во всем отдаю инициативу ему – Кара-дайы. Он сам задает мне вопросы, сам и отвечает со временем на них, высмеивая мое институтское образование. Мы выпили, молча продолжали закусывать. Но я догадывался, что продолжение следует, не зря он затеял эту беседу. Поэтому возвратил Кара-дайы к разговору:

– Так вылечил Исфандияра доктор Рза или нет?

– Вроде, вылечил, по словам отца. Он ему, как и обещал, и индюшек дал пару, и деньгами заплатил. Но я понял, что Мугал всё равно чем-то недоволен. Не спокоен он, волнуется.

– И чем же он недоволен?

– Доктор Рза сказал ему, что, вроде, было бы лучше, если после лечения анализ взять у парня и проверить, вылечился он полностью или нет. А у него, у доктора Рзы, нет возможности делать этот анализ. Но он может их направить к своему другу, другому доктору, в Мингечаур, для сдачи анализа, чтобы окончательно убедиться в выздоровлении парня. Дал им номер телефона своего друга, объяснил, как его найти в Мингечауре.

– Съездили они уже в Мингечаур? – спросил я.

– В том-то и дело, что пока нет. Они только позавчера закончили лечение. А врач тот, что в Мингечауре, якобы только на русском говорит.

– Съездили бы с парнем, Кара-дайы, – посмеялся я. – Заодно и на русском поговорили бы.

– Я бы с удовольствием, – посмеялся и Кара-дайы, – но отец хочет, чтобы ты съездил.

– Я? – вырвалось у меня.

– Да-да. Именно ты. Вчера ему сказали, что ты приехал, так он, говорят, так обрадовался! И у меня спросил, приехал ты или нет? Я ему ответил, что да, приехал! Завтра в обед ты будешь у меня. Он к тебе еще не приходил?

– Нет, – ответил я.

– Значит, сюда придет, – довольно ответил Кара-дайы. – И это очень хорошо.
– И что тут хорошего? – я понял, что Кара-дайы какой-то каверзный план придумал.

– Давай выпьем, – налил он по стопкам, – сам потом всё поймешь. Только соглашайся на все его просьбы. Надо Мугалу помочь. К тому же Исфандияр – твой друг.

Мы выпили, настроение уже было более чем приподнятое, обычно после третьей стопки Кара-дайы в те годы рассказывал очередную героическую историю из своей военной жизни. Сегодня, видимо, обойдемся без нового рассказа Кара-дайы, но его блестящие маленькие карие глаза выдавали ожидание не менее интересной истории.

– Соглашайся, и всё! Остальное за мной! Наконец-то и от тебя, если повезет, будет польза. А то привык даром пить и есть...

Прошел час, второй, Мугала всё еще не было. Я уже не помню, о чем мы с Кара-дайы в тот день беседовали, но он больше не наливал.

Мы почти протрезвели. К пяти часам солнце медленно ушло за высокий скотный сарай Кара-дайы, и вечерняя осенняя прохлада ускорила процесс выветривания выпитого. Тут как раз не помешало бы еще грамм пятьдесят тутовки, но Кара-дайы упорно не наливал.

– Неужели Мугал передумал? – тихо произнес он после продолжительной паузы. – Или другого нашел?

– Всё может быть, – усугубил я своим ответом его переживания.

– Хотя раз в жизни хотел воспользоваться твоими знаниями, и то не получилось. Видать, твоя бесполезность и наверху известна, – пальцем он указал на небеса.

Потом он приказал жене принести чай, заодно покричал, чтобы халву подсолнечную не забыла.

– А этому дармоеду принеси варенье, – он меня имел в виду.

Я посмеялся, жена Кара-дайы погладила меня по голове:

– Не обращай, сынок, внимания на него! Сам он дармоед, только и умеет целыми днями есть и пить. Пригласить ребенка в гости и такое наговорить! Сдурел!

Что интересно, на этот раз Кара-дайы не ответил жене.

Надежда на то, что придет отец Исфандияра, иссякала, я готовился уходить. И тут, на радость Кара-дайы, залаяла собака.

– Наконец-то, твою мугальскую мать! – грязно выругался Кара-дайы и, подняв голову, приказал мне:

– Иди, веди его! Я ему сейчас покажу! – направил он меня, как конвоира, будто предстоял допрос немецкого военнопленного.

Мугал тепло обнял меня, не дал мне ничего сказать, только войдя во двор, начал жаловаться:

– Ты, видать, не в курсе, что натворил твой друг? – он имел в виду своего сына.

– Только вчера приехал, – тихо произнес я. – Хороший у вас сын, что же он натворил?

– Ага, хороший, – повторил отец Исфандияра мои слова на ходу, – очень даже хороший!

Мы прошли скотный двор, открыв деревянную калитку, я пропустил первым отца Исфандияра. Потом прошел сам и закрыл калитку на крючок. До обеденного стола, за которым сидел и ждал нас Кара-дайы, оставалось еще не менее тридцати метров. Мы стали медленно приближаться к обеденному столу, где всё еще ничего не было убрано. Кара-дайы привстал со своего места, чтобы поздороваться с гостем. Мугал шел впереди меня, вдруг он резко остановился, повернувшись, тихо сказал, покачивая головой:

– Опозорил меня на всю деревню! Я его отправил за дипломом, а он триппер привез!

Я догадался, что кто-то из зогаллинских доброжелателей из числа «знатоков медицины», и, скорее всего, не бесплатно, и именно сегодня раскрыл отцу Исфандияра сущность болезни под названием «триппер» и ее происхождение. Что, оказывается, позже привело его в ярость, и он в обед устроил дома сыну невиданный нагоняй, чуть до порки дело не дошло. Поэтому так поздно пришел он к Кара-дайы.

– Вы уж извините меня, Кара-дайы, и вас, наверное, заставил я ждать, – сразу начал оправдываться Мугал, как только поздоровался с Кара-дайы.

Кара-дайы будто только и ждал его оправдания, моментально вошел в роль, сценарий который скорее всего был выдуман им еще со вчерашнего вечера.

– Да ты присядь, присядь! В ногах правды нет.

Сел отец Исфандияра напротив Кара-дайы и с ходу хотел было начать говорить, но плохо он знал хозяина стола. Кара-дайы не дал даже ему слова сказать.

– Со вчерашнего вечера думаю, какой же ты всё-таки молодец, раз хочешь везти сына в Мингечаур для анализа! Вот что значит, когда человек с умом подходит к делу. Молодец! – похвалил Кара-дайы для профилактики отца Исфандияра. Тот аж засиял от счастья, он впервые слышал похвалу в свой адрес за все годы нахождения в Зогаллы. – А наши никогда не повезли бы, успокоились бы после Гаха, и всё! Какой анализ, какой манализ? – пожурил заодно Кара-дайы своих земляков-зогаллинцев. – Поверили бы доктору Рзе на слово, и всё! А ты молодец, он у тебя единственный, надо проверять, а как же!

Позже, после ухода отца Исфандияра, я поинтересовался у Кара-дайы, на самом ли деле он поддерживает того в стремлении везти сына в Мингечаур к другому врачу, или его похвала связана была с необходимостью, суть которой стала ясна чуть позже. Кара-дайы еще раз похвалил Мугала, развеяв имеющиеся у меня сомнения в искренности своих слов.

– Поздно уже думать, раз дело дошло до лечения, надо лечиться до конца. Опозорил он меня, Кара-дайы, как опозорил! Я его за дипломом отправил, а он триппер привез! – повторился Мугал.

– Да, ты вчера говорил, – ответил ему Кара-дайы. – Не с пустыми же руками возвращаться домой из Русета. Хоть что-то привез, – пошутил он. – Ну, ничего, с кем в молодости не случаются приключения? Слава Аллаху, доктор Рза, говорят, грамотный доктор. Что касается поездки в Мингечаур, я внука попрошу, Исфандияр к нему как к старшему брату относится, поедет он с ним обязательно. Если надо, я сам тоже съезжу.

Мугал тут же достал из внутреннего кармана пиджака небольшую бумажку и протянул мне. Там были написаны номер телефона и имя доктора: «Роман Ибрагимович».

– Доктор Рза сказал, что это его домашний телефон, позвонить лучше вечером, когда он будет дома. Днем он на работе. Он будет ждать нашего звонка.

– Сегодня же позвоним, – моментально отреагировал Кара-дайы. – Вот, телефон на подоконнике. И если надо, завтра же выедем. А чего тянуть-то.

Отец Исфандияра не ждал столь оперативной реакции Кара-дайы на его просьбу, попросил перенести поездку на послезавтра. Они с сыном в принципе готовы, сказал он, хоть сейчас могут выезжать, но надо еще машину найти. На послезавтра обещал ему машину кто-то из его мугальской родни.

– Да, да, не будем же автобусом ехать, чтобы все глазели на нас и спрашивали, зачем мы едем в Мингечаур? И тут ты молодец, и тут правильно решил.

Отец Исфандияра не стал ни пить, ни есть. Жена Кара-дайы сколько ни настаивала, не смогла уговорить его даже на чашку чая. Видно было, что он куда-то спешил, поэтому поднялся и собрался уходить.

– Доктору мы сегодня же позвоним, вечером. Наберем Мингечаур по междугородке, всё ему объясним. Расходы я беру на себя. Но в Мингечаур с пустыми руками

не поедешь, – сказал Кара-дайы и стал пристально смотреть на реакцию Мугала. Тот опять сел. Мне было очень интересно, к чему его склоняет Кара-дайы. Мугал задумался, потом показал три пальца и спросил у Кара-дайы:

– Три хватит? Вы как думаете, Кара-дайы?

– Думаю, хватит, – после некоторого раздумья ответил Кара-дайы. – Добавишь несколько килограммов очищенного фундука из нового урожая, фасоли килограмма три. Спиртное у меня есть, не проси ни у кого! Канистру вина я добавлю. Пять литров. А доктору сегодня же позвоним.

– Не знаю даже, как вас благодарить, Кара-дайы! Спасибо вам большое. И тебе спасибо, сынок, – повернулся он ко мне. – И вправду, Исфандияр к тебе как к старшему брату относится. Вовремя ты приехал.

– Всё оттуда управляется, – сказал Кара-дайы и поднял голову к небу. – Всё оттуда. И болезни он дает, и лечение он ниспосылает.

Мугал встал, поднялся и я, чтобы провести его до двери.

– А ты сиди, сиди, сынок! Соскучился, небось, по Кара-дайы, я перебил вас. Извините уж меня. К кому же мне, сироте, обращаться, если не к вам? Я чужой в Зогаллы, ни брата, ни сестры. Жена и единственный сын. Радовался, что поступил в институт, поучится, думал, и вернется с дипломом. А он мне, пожалуйста, триппер привез!

Махнул рукой Мугал и двинулся, не попрощавшись с нами, в сторону скотного сарая. Неожиданно для меня Кара-дайы окрикнул его и остановил:

– Давай всё-таки четыре сделаем! Три доктору, а один – лаборанту! Чтобы нормальный анализ дал.

Даже для такого щедрого отца, каким действительно являлся Мугал, четвертый индюк показался верхом расточительства, но перечить Кара-дайы было уже поздно. Он не ответил, только движением правой руки описал дугу, похожую на ту, которую описывает украинский казак, полностью смирившись с неизбежностью после пожара, в котором у него сгорел сарай, тихо приговаривая: «Сгорел сарай, гори и хата». «Если уж уходят индюки, пусть все уходят, где три, там и четыре», – означало движение руки Мугала, которому тоже пришлось смириться с неизбежностью потери четырех индюков.

Тут же довольный Кара-дайы налил по стопкам, я понял, что разговор с Мугалом вполне его удовлетворил и мы начнем с нуля. Но надо было подождать, пока Мугал покинет двор. Тот, дойдя до калитки скотного двора, отделяющей его от остального двора Кара-дайы, что-то вспомнил и двинулся назад.

– Что ему еще? Анассны! – тихо произнес Кара-дайы, недовольный его возвращением.

– Совсем голову потерял, – метров за пятнадцать начал Мугал и, дойдя до нас, продолжил: – Даст Аллах, вернетесь с добротным анализом, Кара-дайы, хороший шашлык с меня! Обещаю! Как раз и внук ваш приехал. Захотите – посидите у меня, а если нет, всё притащу сюда, сам лично сделаю шашлык, сам лично обслужу вас! Я знаю, вашему внуку нравится посидеть у вас.

– Еще бы, – тут же вставил Кара-дайы, – даром его пою и кормлю, конечно, нравится!

Я промолчал, Мугал не понял, всерьез говорит Кара-дайы или шутит.

Тем временем лицо Кара-дайы изменилось, и на нем появилось выражение восторга, который он старался не выдавать. Я для себя решил, что, каким бы дальновидным ни был Кара-дайы, видимо, на застолье после поездки в Мингечаур он не рассчитывал. Появившийся блеск в его карих глазах выдавал дополнительную порцию удовольствия, полученную Кара-дайы после последних слов Мугала.

– Это даже не обсуждается, – после некоторого замешательства ответил Кара-дайы, как бы давая понять Мугалу, что застолье после возвращения из Мингечаура

рассматривалось им обязательной и само собой разумеющейся частью всего этого мероприятия. – Всё, о чем мы договорились, завтра к вечеру принесешь сюда! Четыре тушки индюка и остальное. Я тут сам запакую их в картонные коробки, как положено, и вино добавлю. Чтобы все выглядело прилично. Доктору чуть позже позвоним, вот телефон, на подоконнике, только трубку поднимай...

Мугал молча слушал Кара-дайы и кивал головой.

– Завтра к вечеру всё принесу к вам, Кара-дайы. А на послезавтра закажу машину. С утра выедете, дорога-то не маленькая.

И ушел Мугал: я молча следовал за ним, закрыв калитку на улицу, вернулся к столу.

– Четвертый был лишний, – посмеялся я.

– Мугал аж потемнел, – посмеялся и Кара-дайы, приказал жене подогреть еду, и сидели мы с ним допоздна.

Позже еще и позвонили в Мингечаур Роману Ибрагимовичу. Тот, видимо, ждал звонка, притом с нетерпением, но когда я начал говорить с ним на русском, на том конце провода повисла тишина.

– А ты кем больному приходишься? – спросил Роман Ибрагимович. – Мне сказали, что отец с сыном приедут.

Я представился, сказал, что я их сосед, приехал из Украины, нахожусь в отпуске в деревне. «Отец больного попросил меня съездить с сыном к вам. А в остальном, всё будет в порядке, приедем подготовленными!» – твердо покричал я в трубку и успокоил доктора.

– Ну, что ж, приезжайте тогда, – весело ответил Роман Ибрагимович.

Я с младшим Исфандияром сел на заднее сиденье желтого «Москвича» у них во дворе. Отец Исфандияра не хотел, чтобы нас видели на улице. Потом мы подъехали к дому Кара-дайы, я вышел из машины и пошел за коробками, об этом он меня предупреждал еще с вечера. Три картонные коробки были ожидаемо тяжелыми. Подозрительными оказались подсказки Кара-дайы, как и за что брать их, как нести и как положить в багажник. Тогда этому я не придавал особого значения, но когда водитель закрыл дверь багажника, Кара-дайы отвел меня в сторону и тихо предупредил:

– Как сюда вынес, так и занесешь их в кабинет доктора! Открывать не надо!

Я улынулся, покивал головой. Я понял, что четвертого индюка в передаче нет, но только через несколько дней после возвращения из Мингечаура стало ясно, что я ошибался.

Водитель по дороге категорически отказался заехать в Шеки, где надо было высадить Кара-дайы. Мы только выехали из Зогаллы на трассу, как Кара-дайы учтиво предупредил его, что надо будет его завезти в Шеки, потом только ехать дальше. Реакция водителя оказалась бешеной, он, будто ужаленный гюрзой, вскрикнул громко и сказал, что знать не знает об этом и не хочет знать. Тогда Кара-дайы начал просить его, уговаривал шутками, но это не помогло, тот был упертый, как годовалый осел. Позже Кара-дайы решил пристыдить водителя, не имеющего ни капли уважения к старику, ветерану войны. Но было бесполезно.

– Никаких Шеки! – ультимативно заявил водитель. – Выставлю на развилке, доберетесь сами! Я так не договаривался. Или же разворачиваю назад! – грозил он.

Сценарий Кара-дайы не предусматривал возвращения с полдороги назад, и я заметил, что после последних слов водителя он немножко растерялся. Но быстро взял себя в руки, повернулся ко мне и приказал:

– Заплатишь этому голодранцу пять рублей! А то заплачет сейчас.

Я закивал головой, водитель тут же успокоился, будто орущему ребенку в рот дали соску. Он добился своего, к чему, собственно, и стремился, – что за отклонение от графика движения ему заплатят дополнительно. Высадили Кара-дайы мы возле шекинского автовокзала. В тени старинных чинар там его ждал старик примерно его же возраста, который за руку держал маленького мальчика. Договорились, что в четыре часа дня после обеда на обратном пути заберем его отсюда же.

Если в Зогаллы вовсю ощущалось приближение осени, но в Мингечауре еще бушевало лето: к одиннадцати часам дня температура в городе воздуха держалась на отметке тридцать градусов. А расстояние между Зогаллы и Мингечауром, между прочим, всего сто десять километров. При въезде в город инспектор ГАИ оштрафовал нашего хамоватого водителя, мне даже показалось, что он отделался небольшой суммой. Потому как после десятиминутной беседы с инспектором он вернулся к машине, засунул голову в кабину, где мы с младшим Исфандияром всё это время сидели и пеклись, чуть ли не приказал мне:

– Давай сюда пятерку за старика!

Тут же младший Исфандияр с заднего сиденья протянул ему синеватую купюру, не заметив моего мнимого возражения.

Еще через десять минут мы стояли перед поликлиникой, где работал Роман Ибрагимович. Наш водитель загнал машину в тень чинары, поднял капот, чтобы мотор остыл, сел рядом с машиной на зеленую траву. Мы с младшим Исфандияром пошли искать Романа Ибрагимовича, коробки с гостинцами пока оставили в машине.

Нам повезло: первым врачом, с кем столкнулись в коридоре, оказался Роман Ибрагимович. Это был высокий, крепкого телосложения метис, белый молодой человек со спортивной стрижкой. Лет ему было около тридцати. Он сам узнал нас, остановился, оглядел обоих, увидев, что мы с пустыми руками, недовольно поморщился и высокомерно на несовершенном азербайджанском языке спросил:

– Вы не от доктора Резо будете из Зогаллы?

– Те самые, – сухо ответил и я.

Указав рукой на скамейку в конце коридора, он пробурчал:

– Сидите там и ждите, сейчас подойду.

Мы просидели на скамейке и ждали его не меньше двадцати минут. Он не появлялся. Я злился, начал обдумывать варианты, в какой форме при его появлении выскажу свое недовольство. Младший Исфандияр молчал.

Наконец-то в конце коридора появился Роман Ибрагимович, но пока дошел до своего кабинета, по дороге несколько раз остановился и о чем-то поговорил с персоналом больницы. Дойдя до своего кабинета, он, не замечая нас, открыл его ключом, только после этого пригласил к себе. Я решил высказаться, рукой указал младшему Исфандияру оставаться в коридоре, сам зашел за доктором в кабинет и закрыл дверь.

Кабинет всегда сковывает посетителя, не каждый в состоянии произнести в кабинете то, что задумал в коридоре. Я тоже не исключение, но, с другой стороны, в тот день терпеть такое неуважительное отношение к себе я не был намерен. Роман Ибрагимович рылся в бумагах, не обращая на меня внимания, я злился еще больше, ждал, когда он наконец освободится и повернется ко мне лицом, и я выскажу всё, что о нем думаю. Вдруг, неожиданно для меня, громким голосом Роман Ибрагимович на русском языке приказал:

– Спускаем штаны, показываем член! – и только после этого, завершив поиск какой-то бумаги и не найдя ее, повернулся ко мне и увидел мое, мягко говоря, недовольное лицо.

– Во-первых, член сидит в коридоре, – непроизвольно на русском ответил я, собираясь перейти к той части ответа, где намеревался поставить его на место.

Но мой ответ так развеселил Романа Ибрагимовича, что он начал громко смеяться. Смеялся он с упоением, откинув голову назад, будто комедийный фильм смотрел. Моя обида и злость исчезли моментально – нравятся мне такие люди с необычным заразительным смехом, умеют они наслаждаться жизнью. Я всегда осторожно общался с людьми, которые только и делают, что загадочно улыбаются, приподнимая правый угол рта. Хитростью и авантюризмом несет от них.

Пока я поражался смеху Романа Ибрагимовича, он оказался рядом со мной, приобняв, посадил меня на стул и сам перешел на другую сторону стола и сел напротив меня.

– Не злись, старик, – сказал он мне, – я знаю, вы с дороги, жарко, утомились. Еще я заставил вас ждать. Издержки производства, – произнес он и опять зарядил свой смех во весь голос. Я молча наблюдал за ним.

– Член в коридоре, говоришь, да? – уточнил у меня и пластом лег на стол. Смех его был громким и артистичным, я сам начал смеяться и только сейчас догадался, что смеется он над моими словами.

Позже мы с ним беседовали минут пятнадцать, не меньше, младший Исфандияр ждал в коридоре.

– Раз речь зашла о члене, о нем я знаю всё, – без стеснения рассказал мне Роман Ибрагимович о специфике своей работы, будто меня знал сто лет. – С одной стороны, это хорошо, – объяснял он мне, – но, с другой стороны, это скучно и утомительно.

Даже сегодня, по истечении двадцати лет, я не знаю, с какой стороны знания о члене хорошо, а с какой стороны скучно и утомительно. Но тогда он мне рассказывал всё это так, будто я без его подсказок должен был всё это знать.

– Так что с ним? – наконец-то спросил он у меня.

Я коротко рассказал ему о болезни младшего Исфандияра.

– Как говорит его отец, поехал за дипломом, но привез триппер, – весело добавил я, поддержав приподнятое настроение Романа Ибрагимовича. Но лучше бы не поддерживал. Услышав мои последние слова, Роман Ибрагимович в очередной раз разразился громким смехом и затянул его минуты на три.

– Ну, что, тогда позовем члена в кабинет, – успокоившись, сказал он. – Хотя после Резо можно и не смотреть. Резо – мой друг, вместе учились, хороший он врач. Раз направил, проверим.

Тут я вспомнил о коробках, которые лежали в багажнике старого «Москвича».

– В багажнике нашей машины коробки для вас, с гостинцами. Отец его собрал. Жарко на улице, а то испортится еще.

– Вот с этого и надо было начинать, – полушутя, полусерьезно сказал Роман Ибрагимович. – Пошли, заберем, а член пусть еще подождет.

Ему я нагрузил две коробки, последние взял сам, и занесли мы их в его кабинет, поставили в самый угол. Только после этого я позвал младшего Исфандияра, а когда он зашел, сам я хотел выйти. Роман Ибрагимович движением руки усадил меня:

– Сиди, ты не мешаешь.

Надев перчатки, Роман Ибрагимович сделал хмурый вид и, став напротив младшего Исфандияра, просто-таки издевался над его повисшим членом, напевая под нос азербайджанскую народную песню «Nə baxırsan yetim-yetim» (Что ты смотришь, как сиротка?!).

– А чего он у тебя такой вялый, как страдающий от отсутствия влаги огурец? – спросил он у младшего Исфандияра.

Тот покраснел, поднял плечи и тихо произнес:

– Какой есть...

– По утрам он у тебя тоже такой или по утрам бодрее? – Роман Ибрагимович насмеялся над младшим Исфандияром.

Я еле удерживал себя от громкого смеха. Покрасневший младший Исфандияр стоял посреди кабинета со спущенными штанами и выглядел жалко.

– По утрам бодрее, – к моему удивлению, всё-таки ответил он.

– Это уже хорошо, вот это уже хорошо, – продолжал представление Роман Ибрагимович. – Красивая хоть была? – неожиданно спросил он у младшего Исфандияра. На этот раз тот не ответил, скорее, не понял, о ком идет речь.

– Раз не хочешь отвечать, сейчас я сам проверю, – продолжая напевать, Роман Ибрагимович тонкой спицей взял образцы для анализа у младшего Исфандияра. Тот едва слышимым голосом пискнул, но тут же затих. – Я побежал в лабораторию. Ты подтяни штаны и в коридор, – указал он младшему Исфандияру за дверь. – А ты жди меня здесь, – приказал мне.

Потом мы еще около часа беседовали с Романом Ибрагимовичем в его кабинете. Он шутил, балагурил, рассказывал анекдоты. Я старался поддерживать его. Через час в его кабинет без стука зашла женщина средних лет в белом халате и спокойно доложила:

– Чисто, как у новорожденного, – и тут же удалилась. Я догадался, что она из лаборатории, докладывала результаты анализа.

– Позови его, пожалуйста, – попросил меня Роман Ибрагимович. Я завел младшего Исфандияра в кабинет. Он стоял перед Романом Ибрагимовичем, как провинившийся солдат перед прапорщиком.

– Значит, так, – Роман Ибрагимович перешел на азербайджанский язык, стал объяснять младшему Исфандияру, как ему дальше жить. – Всё у тебя хорошо! Отдельное спасибо скажешь доктору Резо! Это раз! Во-вторых, с сегодняшнего дня и до конца жизни, если хочешь, чтобы он у тебя больше не болел, каждый вечер, перед сном, заворачиваешь его в теплое полотенце и только потом ложишься спать. Понял?

– Понял, – тихо ответил младший Исфандияр.

– Дальше. Мало ли что, вдруг под рукой не окажется полотенца, скажем, тебе придется ночевать где-то в гостях. Тогда обязательно заворачивай свое сокровище в носовой платочек. Никогда не спи абсолютно голым. Понял?

– Понял, – еще тише ответил младший Исфандияр.

– Ну, и хорошо, что ты всё понял! С тебя тридцать рублей, и ты свободен!

Тот достал из кармана деньги, отсчитал три червонца и положил на стол.

– Жди в коридоре. Сейчас помоем руки и пойдем обедать. Я вас угощаю.

Когда Роман Ибрагимович мыл руки, я ненароком спросил у него:

– Насчет полотенца-то? Это серьезно?

– Хуже не будет, – посмеялся Роман Ибрагимович.

Потом Роман Ибрагимович повел нас в кафе, которое находилось недалеко от поликлиники. Водитель наш категорически отказался оставлять свою машину без присмотра и не пошел с нами.

– Это даже хорошо, мне дешевле обойдетесь, – пошутил Роман Ибрагимович.

Когда мы сели за стол, он позвал официанта и заказал столько еды, что всё, позже принесенное, еле поместилось на столе. Мне стало неудобно, хотел возразить, Роман Ибрагимович даже не дал высказаться:

– Вы мои гости, тем более, мы с вами почти земляки. Я из Шеки родом.

Принесли и бутылку водки.

– В такую жару? – неубедительно возражал я, хотя на такое количество еды бутылка сама напрашивалась.

Пили мы вдвоем с ним, младшему Исфандияру он даже не предложил.

– Держи в тепле! – после каждой рюмки он предупреждал младшего Исфандияра и смеялся.

Каждый раз тот виновато отвечал:

– Хорошо, обязательно.

Позже мы обменялись телефонами, он заверил меня, что когда придет в Украину, найдет меня. А я заверил его, что в каждый приезд на Родину обязательно буду приезжать к нему в гости.

Через год в большой стране начались процессы, которые в итоге привели к ее развалу. Позже началась война в Карабахе, и людям стало не до встреч.

Больше мы с Романом Ибрагимовичем не виделись.

Уже в наши дни, посещая могилу своего студенческого друга в Шеки, на старинном городском кладбище, которое находится на кругу, где начинается новая дорога в Гах, я случайно наткнулся на почти заброшенную могилу, где на надгробном камне были высечены слова из азербайджанской песни «Nə baxırsan yetim-yetim»». Я замер, узнал его не сразу по небольшому фото в военной форме. Но это был он, балагур и весельчак Роман Ибрагимович, номер городского телефона которого до сих пор хранился в моем старом дневнике. По обе стороны могилы были похоронены его родители – отец азербайджанец, мать русская. По надгробным данным получалось, что родители Романа Ибрагимовича умерли в течение года после его смерти. Сперва мать, потом отец.

Я поискал старика, блюстителя кладбища, и, найдя его на другом конце кладбища, попросил почитать молитву за упокой души на могилах Романа Ибрагимовича и его родителей. Старик сразу узнал, о ком идет речь, и рассказал трагическую и героическую историю жизни Романа Ибрагимовича. Оказывается, с началом войны в Карабахе Роман Ибрагимович, единственный и еще не женатый сын своих родителей, втайне от них отправился добровольцем на фронт и погиб на второй день после прибытия. Его вместе с другими бойцами накрыло шальным артиллерийским снарядом.

Пока он читал молитву, я, как мог, почистил от давно заросшей и высохшей травы все три могилы, вытер пыльное лицо на фото Романа Ибрагимовича и надпись «Nə baxırsan yetim-yetim»».

Когда мы возвращались домой, в машине я рассказал хорошо подвыпившему в Шеки Кара-дайы, как долго Роман Ибрагимович заставил нас ждать в коридоре. И как он преобразился и повел себя после того, как я ему сообщил о привезенном для него гостинце.

О том, что Роман Ибрагимович позже повел нас в кафе и угостил обедом, промолчал. Потому что, как только мы выехали из Мингечаура, водитель наш начал нудить о своем голоде, норовил остановить машину где-нибудь возле первого же придорожного кафе.

Кара-дайы, прищутив глаза, в уме полистал годами созданную им же картошку поведения служащих всевозможных рангов и, видимо, наконец-то нашел страницу поведения медицинских работников. Пока Кара-дайы думал, наш водитель хотел подключиться к разговору, но Кара-дайы не дал ему высказаться.

– Сейчас такого народу много стало, – тихо и с каким-то лишь ему понятным смыслом произнес Кара-дайы. – Раньше их было мало.

И стал Кара-дайы рассказывать, к какому типу относятся такие люди. Сначала он грязно выругал Романа Ибрагимовича на его же любимом русском языке. Ругань на русском сильно развеселила нашего водителя, тот всю дорогу повторял эти слова и ржал, забыв о голоде.

Кара-дайы очень сожалел, что ему пришлось по делам оставаться в Шеки. А то он с удовольствием поехал бы с нами в Мингечаур и там бы показал этому выскочке, так он назвал Романа Ибрагимовича, как должен вести уважающий себя доктор перед приезжими из Зогаллы гостями.

– Я бы ему дал бы там, ох, как дал бы!

Кара-дайы определил, что по натуре Роман Ибрагимович скорее натуральный зануда. Так, как он себя вел, по-иному его и не назовешь.

– Судя по твоему рассказу, за время, которое вы сидели напротив его кабинета и ждали его, никто к нему не обращался, значит, большую часть дня на работе он простаивает. Увидев пациентов, то есть вас, он должен был преобразиться. Но ему, как любому зануде, нужен благодарный народ. Но так как ваша благодарность лежала в багажнике, а вы вошли в больницу с пустыми руками, ваши пустые руки показались ему оскорбляющими его врачебное искусство. Зануда всегда рядом с народом, но только при условии, если народ щедр и благодарен, – продолжал философствовать Кара-дайы на радость водителю. – Именно поэтому он не спешил возвращаться в свой кабинет, где он иногда занимается своим искусством, и где он всегда ждет от народа благодарности!

На время мы все замолчали, только водитель неуклюже произносил ругательство, сказанное Кара-дайы, и смеялся.

– А вы, оказывается, еще тот старик! Ого! – восхищенно наградил он Кара-дайы комплиментом. Но Кара-дайы его не слушал, я понимал, что он хочет на мажорной ноте завершить характеристику Романа Ибрагимовича. Но Кара-дайы возобновил свой рассказ издалека.

– За свою длинную жизнь я выявил одну закономерность, – сказал Кара-дайы и повернулся ко мне. – Спроси, какую?

Я тут же спросил:

– И какую?

– А вот такую, – ответил Кара-дайы. – Городские врачи в больницах от приезжих больных из сельской местности ждут благодарностей больше, нежели от своих, от городских.

Водитель тут же поддержал его:

– Ай, спасибо, аксакал! К какому врачу ни приедешь, первым делом тебе на руки смотрят! Ты сперва выслушай человека, лечи его, потом уже жди благодарности.

Кара-дайы не нуждался в поддержке водителя, он был зол на него с утра, поэтому никак не замечал его. А я ждал его заключительных выводов о Романи Ибрагимовиче.

– Никогда ни с одним врачом ругаться нельзя! – как-то очень резко и неожиданно он начал учить меня. – Никогда, запомни! Каким бы занудой тот ни был! В самые трудные моменты мы обращаемся к ним! Особенно, если этот врач специалист по членам, – грубо, на азербайджанском он назвал специализацию Романа Ибрагимовича, вызвав дополнительный всплеск эмоций у водителя. Тот стучал двумя руками о руль и угорал. – Правильно я говорю, Исфандияр?

Исфандияр покраснел и молчал. Позже, вспоминая нашу поездку в Мингечаур, я так и не смог вспомнить хоть одно слово, произнесенное Исфандияром в машине. Он всю дорогу молчал.

– Не нравится врач, собирай вещи и уходи! А еще лучше, не ходи к нему. Раз уже пошел, доверься ему полностью! Ругаться с врачом нельзя! Может, знаешь, как наш Монгол Ширван, лежа на операционном столе, ругался с хирургом Отаришвили?

Я знал эту историю, но тут сам Аллах велел – Кара-дайы собирался привести пример, как не надо себя вести с врачами.

– Расскажите, буду знать, – ответил я.

– Как-то наш покойный Монгол Ширван, когда лежал на операционном столе по пустяковой болезни, перед самой операцией, перед самым наркозом то ли поругался, то ли грубо пошутил с хирургом Отаришвили в присутствии операционных сестер. Отаришвили это не понравилось, но он промолчал. Дали тогда Монголу Ширвану такой наркоз, что промолчал и он, но навсегда! Вот так вот! К тому же рассказывают, что Отаришвили, когда зашивал его, оставил у него в животе ножницы, хорошие, медицинские, нержавеющей стали. Так и похоронили Ширвана с медицинскими ножницами в животе.

Кара-дайы отчасти был прав. Когда умер Монгол Ширван (во время войны он служил в Монголии, по возвращении с войны столько рассказывал про Монголию, что заработал себе такое прозвище), ходили слухи, что перед операцией он неудачно пошутил с хирургом Отаришвили, и тот якобы оставил у него в животе операционные ножницы. Насколько правдивы были эти слухи, никто не знает. Но операция, оказывается, была плановой, Монгол Ширван, здоровый мужик, своими ногами залез на операционный стол, рассказывали зогаллинцы, но оттуда не спустился.

– Отаришвили не понравилась его шутка, поэтому он проучил Монгола, чтобы остальным было неповадно, – и сегодня рассказывают зогаллинцы. Как можно проучить покойника, чтобы он больше не повторял подобных ошибок, одному Аллаху известно.

Сосед, который омывал Монгола Ширвана перед похоронами, позже рассказывал, что, когда омывал живот покойного, почувствовал что-то твердое внутри живота. Если не ножницы, что тогда, спрашивал он. Тем более Монголу Ширвану перед операцией трижды клизму ставили, почистив весь желудок от твердых и мягких отходов.

Родственникам как-то надо было реагировать на слухи, весть о забытых в животе медицинских ножницах быстро распространилась. Через неделю после похорон, ошарашенный рассказами об оставлении операционных ножниц в животе покойного, один из близких родственников съездил в Гах и рассказал хирургу Отаришвили о своих подозрениях и попросил показать ему операционные ножницы, если это неправда. Рассказывают, что Отаришвили показал дремучему родственнику Монгола Ширвана обычные канцелярские ножницы и провел его из больницы словами:

– Не верьте слухам, мы очень бережно относимся к своим инструментам!

Жаловаться родня в милицию не стала, и лежит Монгол Ширван в могиле с операционными ножницами. И шутят иногда зогаллинцы черным юмором:

– Хорошо, что операционные ножницы делают из нержавеющей стали, ржаветь в могиле не будут, если понадобятся, в любой момент можно их достать.

Вернемся к Кара-дайы, который на мажорной ноте завершил свое заключение о Романе Ибрагимовиче.

– Ваш Роман Ибрагимович – настоящий зануда! – повернулся он к нам, ко мне и младшему Исфандияру. – Легче лечить запущенный геморрой, чем избавиться от такого зануды, анассыны! – под еще более громкий смех водителя Кара-дайы завершил характеристику мингечаурского доктора.

И когда водитель наконец-то замолк, Кара-дайы спросил у него:

– А ты чего ржешь, как моя лошадь в пятидесятых годах после утреннего кормления? Понравилось, да?

Сравнение с лошадью не испортило настроения водителя:

– Еще как понравилось, – сказал он. – Ну, вы, аксакал, даете!

– Верни тогда пятерку, раз понравилось! – сурово приказал Кара-дайы ему.

Лучезарное лицо водителя моментально скисло, и тот замолк аж до самого Зогаллы.

А пятерку он так и не вернул.

Мугал сдержал свое слово: на следующий день во дворе Кара-дайы он организовал для нас хорошее застолье. Принес много нарезанной для шашлыков индюшатины, зелени, свежих овощей, сыра, свежее выпеченного в тандире хлеба. Правда, как всегда, он сам не стал сидеть с нами, не появился и младший Исфандияр – наверное, стыдился.

Кара-дайы позвал своего соседа Сулеймана, как «большого специалиста по изготовлению шашлыков». Тот пришел вместе с женой, и она помогла жене Кара-дайы накрыть такой стол, что позже к нам присоединились и другие соседи Кара-дайы. Между прочим, в отличие от баранины, мясо индюшатины легко усваивается и хорошо переваривается, пожилые Кара-дайы и его жена в тот вечер, как я заметил, ели с двойным аппетитом. Сулейман на самом деле оказался «большим специалистом по шашлыкам» – таких сочных, мягких, вкусных шашлыков я давно не ел. И с выпивкой в тот вечер Кара-дайы угадал, пили мы красное вино из больших стаканов и часто благодарили Мугала за прекрасно организованный стол.

Поздно вечером, провожая меня домой, Кара-дайы, ехидно улыбаясь, спросил:

– Понравились тебе шашлыки из индюшатины?

– Еще как понравились! – восхищенно ответил я ему.

– Заглянешь тогда перед отъездом, еще раз попрошу Сулеймана, две тушки мугальской индюшки в запасе у меня имеются. В холодильнике держу.

– Откуда? – машинально вырвался у меня вопрос.

– Как откуда? – удивился Кара-дайы моей недогадливости. – Всё оттуда же!

Сказал же, мугальские!

И тут на мою почти пьяную голову снизошло озарение, я громко засмеялся.

– Ну, Кара-дайы, я от вас такого не ожидал, – пошутил я.

Он не обиделся, продолжал ехидно улыбаться:

– Твоему Роману Ибрагимовичу и две тушки было много! Если бы я знал, что он так холодно встретит вас, положил бы тогда в коробку одну тушку, и всё! Хватило бы ему, анассыны! Так что, приходи перед отъездом!

В тот день во дворе Кара-дайы я последний раз видел Мугала, мужчину широкой души, оставившего после себя в разговорном зогаллинском языке знаменитое выражение: «Поехал за дипломом, а привез триппер». С его сыном, младшим Исфандияром, мы тоже перестали общаться, точнее, он перестал приглашать меня к себе в гости, когда я появлялся в Зогаллы. В первые годы после совместной поездки к Роману Ибрагимовичу мы, как правило, не стыковались. Когда я приезжал в отпуск, он находился в Баку на учебе.

Позже наступили тяжелые девяностые годы: как сговорившись, родители младшего Исфандияра умерли в течение года. Мугал умер через год после окончания сыном университета. Рассказывают, что диплом сына, когда тот с ним вернулся домой после окончания учебы, он долго держал в руках, потом целовал и плакал. Еще через год умерла мать младшего Исфандияра, добрая, мягкая женщина, покорно во всем подчиняющаяся намного старшему себя мужу. Да простит им обоим Аллах все их грехи.

К моему огромному стыду, я, будучи в Зогаллы, так и не пришел к младшему Исфандияру по соседству и не выразил ему своего сочувствия в связи со смертью его родителей. Эти и другие грехи, я знаю, рано или поздно аукнутся мне, но видит Аллах, в те годы я даже в родительском доме находился мало, большую часть своих отпусков проводил у Кара-дайы, в его хлебосольном доме и дворе.

Младший Исфандияр по окончании учебы устроился на хорошую работу, продолжает работать там же на руководящей должности. Родители успели женить сына сразу по окончании института на девушке «из очень хорошей, порядочной, чисто зогаллинской семьи», любит подчеркивать Кара-дайы, когда речь заходит о женитьбе младшего Исфандияра.

Традицию разведения индюков в домашнем хозяйстве младший Исфандияр продолжает, притом, с еще большим размахом. Судя по общему булькающему хору птиц, который доносится с их двора по утрам, у себя в хозяйстве он создал целую ферму по выращиванию этих домашних птиц. Трое взрослых, «очень воспитанных» (опять-таки, выражение Кара-дайы) сыновей младшего Исфандияра мастерски управляют этой фермой.

Возможно, я никогда не решился бы написать об истории семьи Груши Исфандияра, обладателя самого длинного прозвища за всю историю Зогаллы. Тем более, тема присвоения прозвищ мужчинам в Зогаллы с каждым годом теряет свою актуальность, и новое поколение зогаллинцев в наши дни не придерживается этого обычая. Сегодня в разговорном языке зогаллинцев почти не употребляются прозвища, начинают забываться потомственные прозвища, когда-то являвшиеся отличительными знаками целых семейств.

К тому же, чувство неловкости и стыда за невыражение до сих пор сочувствия в связи со смертью родителей младшего Исфандияра никогда не покидало меня – поэтому, каждый раз проходя мимо двора Груши Исфандияра, я ускорял шаги во избежание случайной встречи с ним. Но видит Всевышний, каждый раз, посещая могилы своих близких на зогаллинском кладбище, я обязательно останавливался и возле могил родителей младшего Исфандияра, которые лежали рядом с могилой старшего Исфандияра в тени грушевого дерева, и просил Аллаха ниспослать их душам покой.

С другой стороны, меня, выросшего в среде, когда у каждого зогаллинского мужчины было свое неповторимое прозвище, вживую общавшегося с обладателем самого длинного, так и тянуло написать о нем, о Груше Исфандияре. К тому же я боялся, что, если я не расскажу миру об истинно зогаллинском методе определения яйценоскости у индюшек, завтра какой-нибудь мугал своим грязным пальцем поковыряется в заднице этой прекрасной домашней птицы, случайно определив ее яйценоскость, и побежит патентовать метод как свой.

Поэтому при написании этого рассказа я, как всегда, руководствовался только благими намерениями, старался сохранить всё то, что по праву считается истинно зогаллинским.

Но ведь не зря говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад, куда, наверное, еще мне предстоит когда-то заступить, и где, скорее всего, я встречу со многими своими героями, уже закончившими земную жизнь.

Всё предопределила наша случайная встреча на улице с младшим Исфандияром. Случилась она года три назад: он сидел на улице на скамейке напротив своего дома, вытянув вперед свою поломанную ногу. Рядом стояли костыли, с помощью которых, видимо, он двигался. Я был в курсе, что он недавно сломал ногу, неудачно упав с чердака.

Встретились мы не только как соседи, но и как старые добрые знакомые. Увидев меня, младший Исфандияр поднялся, опершись на костыли, хотел пойти мне навстречу. Я остановил его, посадил на скамейку, присел рядом с ним, и минут пятнадцать мы поговорили обо всем, вспомнив в том числе поездку в Мингечаур. Я постучал по его больной ноге; вместо ожидаемого твердого гипса она оказалась мягкой.

– Гипс сняли неделю назад, – тут же ответил младший Исфандияр, – но наступать по полной всё равно еще боюсь. Поэтому жена каждое утро перевязывает больную ногу для устойчивости, – посмеялся он.

– Тебе к перевязкам не привыкать, – пошутил и я, напомним ему давнюю установку доктора Романа Ибрагимовича.

Прощаясь, я пожелал ему скорейшего выздоровления и впредь быть осторожным, слезая с чердака. Младший Исфандияр долго держал мою руку, думая о чем-то, не хотел отпускать ее. Вдруг он неуверенно спросил:

– Какие планы у вас на вечер?

Как можно мне задавать такие вопросы, дорогой мой Исфандияр? Какие у меня могут быть планы, когда я приехал отдыхать в родную деревню? Когда я за год своего отсутствия успел заскучать по традиционному зогаллинскому застолию?

Да не было никаких у меня планов, только вот сегодня проведу Кара-дайы, и все! И все, свободен я! Так и сказал я младшему Исфандияру.

– Ну, да, – произнес он, – Кара-дайы для вас священный! Давайте тогда так, сегодня проведите его, а завтра в обед я жду вас у себя. Не отказывайте, пожалуйста, сколько не виделись.

Конечно, я завтра в обед буду у него, отказать на приглашение в гости не в моих правилах, поэтому я сразу согласился с его приглашением, для убедительности подчеркнув, что завтрашний день как раз у меня свободный, никому ничего обещать не стану и никуда не пойду! Как бы предварительно обязывал его, чтобы он тоже не передумал.

– Тем более ваш дом для меня не чужой, тем более ты такой открытый, гостеприимный хозяин. Обязательно буду, не переживай, – ответил я ему. – Как я могу тебе отказать? Сколько шашлыков индюшатины съедено в вашем доме, когда живы были твои родители. Да ниспошлет Аллах их душам покоя, да простит им он все грехи, если они были у них при жизни, – наконец-то я выразил младшему Исфандияру свое сочувствие по умершим его родителям.

– Мы все грешные, – тихо согласился он со мной. – Завтра в обед встречаемся? – на этот раз уверенно повторил он свой вопрос, стало понятно, что не передумает.

– По рукам, у вас так у вас! Шашлыки так шашлыки! – пошутил я и свойственным только наглым гостям посылом, сам того не желая, обозначил основное блюдо завтрашнего обеденного меню.

Чего греха таить, люблю я ходить в гости к проверенным людям.

Описывать, какой был стол, не вижу надобности. На столе было всё, какой-то дальний родственник младшего Исфандияра жарил шашлыки и подавал нам, и каждый раз, когда подносил их нам на стол, по нескольку раз извинялся, что мешает нам обедать. Сколько я его ни просил, он так и не присел к нам, потом и вовсе ушел.

Зато с нами с самого начала до конца за столом сидела жена младшего Исфандияра, позже я посчитал, что в общей сложности мы втроем сидели около пяти часов за столом. Иногда жена младшего Исфандияра вставала подать чего-то недостающего, несколько раз она подогривала нам еду и приносила чай, что в зогаллинских застольях очень даже практикуется в перерывах при употреблении спиртного. Несколько раз она вспоминала сыновей, один из которых проходил службу в армии после университета, а двое еще учились в Баку.

Пили мы с младшим Исфандияром водку, с самого начала я заметил, что пьет он со знанием дела. Жена младшего Исфандияра несколько раз сделала ему замечание, чтобы тот пил поменьше, но они оказались неубедительными.

– Может, хватит, а? – говорила она ему. – У тебя же нога сломана.

После каждого такого замечания мы с младшим Исфандияром громко смеялись, не находя ничего губительного в водке для сломанной ноги. Когда мы смеялись, она присоединялась к нам, сама смеялась над своими словами не меньше нас, добавляя:

– Ночью будет вставать в туалет, ломает и другую ногу, – оправдывала она себя, но через некоторое время опять просила мужа, чтобы он пил поменьше.

Мое уверенное распитие, как я понимал, принималось ею само собой разумеющимся занятием:

– Столько лет вы дружите с Кара-дайы, он-то уж точно знает, как и сколько пить. И вас приучил к этому делу хорошо! Сам-то он, вон сколько лет ему, говорят, и сейчас пьет, – ответила она мне вполне серьезно, когда я интересовался у нее, почему ее мужу нельзя много пить, а мне можно? «Убедительный аргумент», – подумал я, но в шутку ответил, что Кара-дайы уже не пьет, только наливает.

Позже, когда я уже был достаточно выпившим, я имел неосторожность и рассказал младшему Исфандияру о погибшем в войне Романе Ибрагимовиче. О том, как я случайно увидел его могилу на старом Шекинском кладбище, узнал его по надписям на надмогильном памятнике. Жена младшего Исфандияра покраснела, моментально встала и ушла.

– Не переживайте, – продолжая есть, спокойно ответил младший Исфандияр. – Она знает эту историю, но с другой стороны.

Минут через десять она вернулась и, как ни чем не бывало, присоединилась к нам.

Когда я уходил, начинало темнеть, индюки, загнанные женой младшего Исфандияра на ночлег в индюшатник, перестали булькать. Провожать меня до улицы хотел выйти младший Исфандияр, но жена командирским голосом не дала ему даже подняться с места.

– Сиди уж, – сказала она ему, – я сама проведу. Споткнешься еще, не дай Аллах. Я сама проведу. Вернусь, сниму бинт, и будешь спать.

На выходе со двора я поинтересовался у нее, сколько ее муж еще должен ходить с забинтованной ногой? Что врачи говорят?

– Гипс сняли неделю назад, но он еще боится. Поэтому каждое утро бинтую, пока боязнь не пройдет, а вечером снимаю. Всё делаю сама, по дому он ничего не умеет делать.

Дальше было то, при одном воспоминании о чём я и сегодня краснею. Стыд и срам на мою голову, сколько же надо было мне выпить, чтобы решиться задать этой гостеприимной, добродушной женщине такой невоспитанный вопрос. Это сегодня я краснею и заливаюсь жаром, а в тот вечер спокойно спросил у нее:

– А свое хозяйство хоть Исфандияр сам обворачивает полотенцем?

Хорошо, что было темно, хорошо, что я не разглядел покрасневшее от смущения лицо жены младшего Исфандияра. Она опустила голову и тихо ответила:

– Сам, – но прежде чем уйти, добавила. – Хорошего вам вечера.

– И вам хорошего вечера! До свидания!

Железная калитка захлопнулась за мной; от растерянности она несколько раз не могла попасть щеколдой в засов. Я стоял на улице и ждал, когда же она зафиксирует закрытие двери. Через минуту щеколда со скрипом вошла в засов, дверь намертво закрылась на ночь.

Чудны твои дела, о, Аллах! Дай разума всем своим временным гостям на этом свете – и детям, и взрослым, и молодым, и старикам, в том числе и мне, и моим землякам-зогаллинцам! Достучись в сердце каждому, разум потерявшему! Аминь!